

А. Курелла

На пути к ЛЕНИНУ

Издательство
политической
литературы

А. Курелла

На пути к ЛЕНИНУ

Москва
Издательство
политической литературы
1979

Перевод с немецкого Г. КАГАНА

Курелла Альфред.

К93 На пути к Ленину: Пер. с нем.— М.: Политиздат, 1979.— 159 с.

Альфред Курелла, сын немецкого ученого, в ранней молодости примкнул к коммунистическому движению. Член КПГ с 1918 года, член ЦК СЕПГ, депутат Народной палаты ГДР, он большую часть своей литературной деятельности посвятил публицистике и журналистике. Кроме того, Курелла — автор двух романов: «Акты из Гронау» (1954) и «Пешка в большой игре» (1961, русский перевод — 1969).

Предлагаемое читателям произведение Куреллы вышло в ГДР в 1967 году и представляет собой воспоминания о встречах с Лениным и влиянии личности Ленина и его идей на автора.

К $\frac{10103-026}{079(02)-79}$ 87—79 0 103 020 000

13.5
3К26.3

На стене Московского Кремля, между высокими зубцами, похожими на хвосты ласточек, как раз над тем местом, где теперь Мавзолей, 1 Мая 1919 года стоял молодой немец и смотрел вниз, на Красную площадь.

Внизу, на грубо сколоченном помосте, двигался человек. Он то энергично простирал руки вперед, то разводил их в стороны, словно вопрошая и убеждая. По этим жестам, по внезапно меняющемуся положению головы, по рукам, подчеркивающим ритм речи, можно было представить себе, о чем он так живо говорил, даже если его голос долетал неясно до зубцов стены.

Красноармейцы в форме, далеко не парадной, стояли, построившись в каре, рядом с причудливым собором Василия Блаженного; другая часть солдат образовала цепь на Красной площади, а за ними — уйма людей. Вплотную друг к другу стояла здесь сбежавшаяся на майский праздник тогдашняя «вся Москва». К этим людям обращался оратор, на которого со всех сторон площади смотрели десятки тысяч глаз.

И вот речь отзвучала. Несколько особенно энергичных жестов подкрепили последние слова, встреченные громкими возгласами толпы.

Человек на трибуне собрался спуститься по ступенькам. Из широко открытых ворот под высокой башней с часами выехал простенький автомобиль.

Прибой голосов поутих, и сквозь него стал слышен небольшой духовой оркестр, который усердно трубил «Интернационал».

И тут случилось вот что.

Когда фигурка оратора спустилась с трибуны, к которой в ту же минуту подъехала машина, толпа прорвала слабый кордон. Увлекая за собой постовых, охваченных тем же желанием, что и их братья в рабочих спецовках, вся площадь со всех сторон ринулась к человеку у автомобиля. Человеческий прилив сходилась все более тесными кольцами, точно круги от упавшего в воду камня — только в обратном направлении.

Единственная серая точка на светлом булыжнике пустого четырехугольника, автомобиль и сидевший в нем человек, мгновенно превратилась в едва различаемое средоточие черного бурлящего водоворота, который окружал медленно отъезжающую машину. Человек в машине встал. Держа в руке кепку, он приветствовал поднимающийся лес рук. «Ленин!.. Ленин!.. Ленин!..» — гремело над площадью.

Все, кто были на площади — старые и молодые, в гимнастерках и пиджаках, — перемешались в пестрой толпе, и вся эта плотная масса людей, все еще двигаясь вокруг одной точки — центра этого водоворота, медленно перемещалась к башне с часами. Затем большие ворота поглотили маленький серый автомобиль. И почти в то же мгновение сквозь толпу, лишенную центра притяжения, прошла волна спокойствия; медленно откатыва-

ясь от центра, толпа постепенно редела, пока последние демонстранты не исчезли в боковых улицах.

Неизгладимо, со всеми подробностями запечатлелась у меня в памяти эта картина, ибо тот немец на кремлевской стене был я. Десять дней назад я прибыл в Москву — столицу революции. Да, я жил теперь в Кремле, в одной из комнаток «коридора придворных дам», расположенного в северной части старого царского дворца. Я, так сказать, с места в карьер очутился в самом центре мирового революционного движения, ежедневно встречался с людьми, которых знал по газетам как руководителей этого движения. А всего лишь несколькими днями раньше я сидел в кабинете Ленина и больше часа разговаривал с ним, наедине с ним! И все это после многонедельного, с приключениями, странствования через границы, в обход оккупированных деревень и, наконец, через фронты, где не раз дело шло о жизни и смерти. Все это достаточная для молодого человека причина смотреть на мир иными глазами.

Та виденная мной 1 Мая 1919 года картина стала для меня символом великого мирового события, свидетелями которого были я и все мое поколение. Но лишь с годами встреча с Лениным как с центром гигантского массового движения, которое он привлек к себе своими мыслями и делами и уверенно повел за собой вперед, наполнилась более глубоким содержанием; позднее она всегда связывалась именно с этой картиной тех лет, став-

шей отправной точкой моего политического развития.

Как уже не раз в истории человечества, непререкаемо переместилась с грохотом и треском ось мировых событий. Как некогда из Двуречья в Грецию, а затем в Рим, а из Рима во франкские страны, так эта ось мировых событий переместилась теперь новым мощным усилием на эту площадь, в Москву.

За семьдесят лет до этого великие немецкие мыслители и политики Маркс и Энгельс предсказали конец эпохи капитализма. И начало этого конца было здесь! Рабочие разорвали одно из звеньев в цепи империализма, сковавшей мир. Их революционная партия, названная большевистской, во главе которой стоял этот человек — Ленин, создала новую власть, власть рабочих и крестьян. И произошло это не где-нибудь, а именно здесь, в этой самой стране, в России. Событие это не повернуть вспять, оно определит весь дальнейший ход мировой истории. И все, что бы ни происходило с этого момента, в любом уголке земли, следует рассматривать в свете этого события, как ту картину, которая предстала перед моими глазами. Понять все правильно можно лишь с этой точки зрения!

МОЛНИЯ

Как же я попал сюда, в Москву, в Кремль, на майский праздник 1919 года? Я, молодой интеллигент, сын известного че-

мецкого ученого, артиллерийский унтер-офицер кайзеровской германской армии?

Еще летом 1916 года я стал решительным противником войны, а осенью того же года меня уже не было на фронте. Признанный «временно негодным», я проживал в Берлине, но постоянно разъезжал по стране, полностью посвятив себя новой задаче — антивоенной пропаганде. Как бывший унтер-офицер, я получал пенсию и имел бесплатный железнодорожный билет, который по мере надобности продлевал. Это была материальная база моей новой деятельности. Сеть надзора за «политическими» в то время не была еще такой широкой, как потом при Гитлере и во время второй мировой войны. Недавно обнаруженное полицейское досье показывает, однако, что под надзором я находился уже с конца 1916 года, о чем мне официально было сообщено лишь осенью 1917-го. Пока же я вел против большой войны свою маленькую войну; поначалу один, затем с несколькими бывшими фронтовиками-единомышленниками и, наконец, как член нелегальной революционной организации рабочей молодежи в Берлине.

Как я стал противником войны? Существенную роль играли демократические и республиканские традиции в моей семье. И они привели меня на «Высокий Мейсен» — на первые выступления мелкобуржуазного молодежного движения против шовинизма в 1913 году, в столетнюю годовщину битвы под Лейпцигом.

На сборном пункте новобранцев под Кобленцем, куда я попал в августе 1914 года, я столкнулся с массой вольноопределяющихся, в большинстве своем отпрысков помещичьих реакционно настроенных семей. Это была моя первая встреча с явно выраженной реакционной позицией этой части немецкой молодежи. В нашей классической гимназии она не играла никакой роли. Чтобы избежать среды будущих офицеров, к которой, собственно говоря, я и сам принадлежал, я заблаговременно попросился рядовым артиллеристом на западный фронт, куда и прибыл в начале октября в прекрасный осенний вечер и тут же угодил в тяжелое сражение. Я был рядовым среди рядовых. Мои товарищи по батарее — по большей части из крестьян, но было среди них и несколько рабочих.

Сегодня могу сказать, что общение с этими крестьянами и рабочими в артиллерийской форме существенно определило все мое дальнейшее развитие. В части не обратили внимания на то, что я вольноопределяющийся и будущий офицер, так что полтора года я тянул вместе с товарищами лямку солдатской жизни. Здесь я впервые познакомился с миром чувств и образом мыслей крестьян и рабочих. Простое наблюдение, что безумно отправлять их на смерть ради целей, с которыми они ничего общего не имели, придало моему наивному неприятию войны новый оттенок. Это было усугублено невежеством и коррупцией офицерства даже на фронте. И углублено «теорией». Я получал на фронте

свой тогдашний любимый журнал «Белые листки»; это был журнал левых интеллигентов, которые выступали против пресловутой шовинистической декларации 1914 года 146 немецких интеллигентов. Из рецензии в «Белых листках» я узнал о выходявшем в Швейцарии журнале «Утро», который еще активнее выступал против войны. Я добывал этот журнал с помощью друзей и регулярно читал его. В нем я впервые встретил имя — Ленин.

Оно всплыло в отчете о Циммервальдской конференции левых социал-демократов. Здесь же был лозунг: «Враг находится в своей собственной стране».

Я рассказываю об этом так подробно, чтобы показать, на основе каких совершенно различных факторов постепенно развивается политическое сознание и политическое мышление. Ни имя — Ленин, ни сам этот лозунг мне ничего особенного не говорили. Они лишь усиливали желание активнее выступить против войны, для чего, казалось мне, надо было вернуться в тыл, чтобы оттуда включиться в «войну против внутреннего врага». Я еще не знал мысль Ленина о том, что революционер и истинный противник войны должен вести свою агитацию именно на фронте, среди солдат, чтобы и их массу привлечь на свою сторону для окончания войны.

Возвращение на родину произошло скорее, чем я предполагал. В тяжелых боях за высоту Лоретто на севере Франции в феврале 1916 года я, один из немногих в нашей

батарею, остался в живых, но меня дважды контузило, и время от времени я терял речь. А когда к тому же у меня начался грипп, я подал прошение о внеочередном отпуске на родину и получил его. С температурой тридцать восемь я прибыл в Мюнхен, добрался до военного госпиталя, а оттуда уже на фронт не вернулся.

В Берлине, где поселился, я быстро нашел единомышленников. Это также были будущие офицеры, временно отпущенные из армии из-за более или менее тяжелых ранений. Нас объединила дружба с замечательным передовым педагогом Густавом Винекеном, который на «Высоком Мейсене» произнес решительную антивоенную речь. За свои настроения он был выдворен из созданной им же «Свободной школьной общины» в Виккерсдорфе (Тюрингия). В ходе кампании за восстановление его на работе образовался наш небольшой кружок, который вырос за счет берлинских студентов и студенток и быстро установил связь с различными антивоенными группами и отдельными лицами, среди которых были Генрих Манн, Эрнст Толлер, Леонгард Франк и другие. Борьба за Винекена отошла вскоре на задний план, и мы занялись преимущественно нелегальной агитацией против войны. Разыскивали состоятельных пацифистов, типографии, печатавшие наши брошюры, и постепенно создали большую пропагандистскую сеть. О нашей тогдашней позиции свидетельствуют издававшиеся нами нелегальные брошюры. Это

меморандум князя Лихновского, последнего кайзеровского посла в Лондоне, который весьма вескими доводами обосновывал военную и политическую бесперспективность этой войны; антивоенные книги Л. Франка «Человек добр» и Ласло «Люди на войне».

Летом 1917 года мы были в зените нашей деятельности. Когда-нибудь я более подробно опишу полную романтики жизнь нашей группы фанатичных противников войны. Быстро растущее социалистическое сознание, наполовину дилетантские, наполовину отдающие авантюризмом практические шаги, общая романтическая настроенность, серьезное отношение к великим произведениям поэзии и музыки и многое, многое другое причудливо совмещалось у нас. В то время в Берлине-Вестенд мы заняли довольно большую виллу, принадлежавшую матери одного из членов нашей группы, Фрица Клатта, ставшего позднее известным публицистом и педагогом. Фрау Клатт проводила все лето за городом. И здесь обосновались мы, примерно десять парней и девушек.

Наверху на чердаке у нас был склад нелегальной литературы. А в подвале жили два дезертира, которым мы там предоставили убежище и поддерживали их. Оба были членами нелегальной берлинской организации рабочей молодежи. Благодаря чистой случайности мы вступили в контакт с этой организацией, и это стало главным событием лета. А после того, как мы приняли дезертиров и тем самым доказали свою надежность, отно-

шения стали еще теснее. И в конце концов большая столовая виллы превратилась в место встреч молодых рабочих-социалистов с дезертирами. Здесь они проходили политические курсы. Здесь-то и произошло событие, которое дало название этой главе. Точно пораженный молнией, я сделал открытие, которое навсегда осталось при мне, решительно определив весь мой дальнейший жизненный путь.

Чтобы читатель понял последующее, необходимо маленькое дополнение. В марте 1917 года верховное германское командование было вынуждено предпринять существенное сокращение фронта во Франции. С этой целью войска были возвращены на подготовленную в предшествующие месяцы «линию Зигфрида». При этом отступлении впервые была применена тактика «выжженной земли». На довольно значительной территории разрушались города и деревни, минировались дороги, засыпались колодцы и взрывались перекрестки дорог — короче говоря, делалось все, чтобы затруднить продвижение противника. Вскоре в Германии был выпущен новый военный заем. На всех рекламных тумбах появился огромный плакат с изображением восточной части Франции от пролива Ла-Манш до Швейцарии. Весь этот район был закрасен красной краской и испещрен условными знаками с датой разрушения. А внизу было написано: «Если вы не хотите того же родине, подписывайтесь на заем!».

Я еще помню то возмущение, которое вызвал во мне этот плакат. Я не мог забыть эти ломаные красные полосы, проходившие с севера на юг между двумя враждующими лагерями.

Примерно в это же время пропагандист нелегальной молодежной организации, в которую я тем временем вступил, Курт Класе работал над темой «Война и классовая борьба». Целью доклада было обосновать лозунг «Враг находится в собственной стране», известный мне уже из «Утра». Оратор очень убедительно доказал, что линия большой войны проходит не между народами, а внутри каждого народа, между двумя непримиримо враждующими классами — буржуазией и пролетариатом. С различных сторон он снова и снова возвращался к этой основной мысли, и вот тут-то меня словно молния поразила: длинная красная полоса плаката, пересекавшая Францию с севера на юг, вдруг исчезла, и на ее месте появилась такая же красная полоса, но теперь она тянулась по всей карте, через все ведущие войну страны.

С этого дня изменилось мое отношение к нашей группе, а также моя деятельность вне ее. Я крепко связал себя с организацией молодых революционных рабочих и выступал с прямым призывом к классовой борьбе на различных собраниях мелкобуржуазного союза «Свободной немецкой молодежи», в котором я вместе с Карлом Биттелем и другими организовал левое радикальное крыло.

Между тем изменились также и мои

внешние обстоятельства. Наша «вестендская» община распалась. Один из дезертиров, которых мы прятали на вилле, был опознан полицией, но не арестован, а завербован в качестве шпика. На наше счастье, у нас был свой человек в политической полиции, который вовремя нас предупредил. Мы помогли другому дезертиру найти новое убежище, уничтожили все следы нашей деятельности и рассеялись в разные стороны. Я нашел место домашнего учителя у детей одной прогрессивной лейпцигской дамы, которая читала радикальный журнал «Аktion» («Действие») и мечтала о русской революции. Здесь я мог продолжать свою агитацию. Теперь это были преимущественно материалы нашей нелегальной молодежной организации, которые я на собственные средства рассылал все растущему числу адресатов по всей стране.

В то время я впервые убедился, что нахожусь под полицейским надзором. Вскоре школьное начальство лишило меня права преподавать. Я переехал в Бенсгейм, на Бергштрассе, где остановился у друзей. Теперь мне надо было ежедневно отмечаться в полиции и там получать свою почту. В начале октября я впервые был вызван на допрос к следователю. Дело пахло процессом по обвинению в государственной измене. Ареста мне удалось избежать, и в ту же ночь я покинул Бенсгейм и нашел приют в общежитии преподавательниц гимнастики, с руководительницей которых я был в дружеских

отношениях. Здесь меня наверняка никто не стал бы искать. Оттуда сразу же после начала революции я отправился в Мюнхен, где до войны учился, и там в середине ноября 1918 года организовал местную группу свободной социалистической молодежи, которая тотчас установила связь с берлинскими товарищами.

Теперь я замечал все больше и больше, какой неугасимый огонь зажгла «молния». Многие из того, что я пережил и увидел в последние годы и месяцы, приобрело новый смысл. Через друзей летом 1917 года я получил и прочитал работы Карла Маркса «Наемный труд и капитал» и «Заработная плата, цена и прибыль». Наша нелегальная молодежная газета «Штюрмер», издателем ее был указан некий господин Вюлер, проживающий якобы в Берлине на Кротовой, 13, сообщала о забастовочных битвах и политических стачках в странах, ведущих войну. Передовицы говорили о «враге в собственной стране» и о движении за «поражение собственного правительства». О событиях в России после свержения царизма в марте мы знали немного. И все же нам стало известно (между прочим из буржуазной прессы) о возвращении в Петроград того самого Ленина, о котором я уже читал. Революция в России воодушевила нас. Война на востоке была приостановлена. Может быть, это было начало конца войны?

На все происходившие события мы смотрели глазами пацифистов. И должен сознать-

ся, что «Коммунистический манифест», который мне тогда впервые попал в руки, сначала не произвел на меня должного впечатления. Он не связывался еще с главной моей целью — прекращением войны!

И вот все изменилось. Так наивно воспринятая идея классовой борьбы внесла порядок в мои собственные мысли. Появилась связь между нашей деятельностью за прекращение войны и агитацией за поражение «собственной» армии и нашими планами на будущее.

Мои личные побуждения стали мне вдруг яснее. Мои мысли о революции в Германии, агитация за нее — все это опять-таки было связано со стремлением покончить с войной. Как такая революция произойдет, что должно прийти вслед за ней, над этим я еще не ломал голову.

В свете классовой борьбы эта революция получила другое, конкретное содержание. Классовая борьба, оказывается, имела долгую историю — об этом я прочитал в том самом манифесте. Один класс неминуемо уходит с исторической арены, другой — рабочий класс — берет власть в свои руки, и мы должны подготовить этот приход. Революция, представлявшаяся мне до этого неким скоротечным актом, в результате которого военная партия теряла власть, получала «логическое продолжение». Открывались ворота в неведомое доселе будущее.

Чтобы сделать понятным поворотный момент моего внутреннего развития, я хочу

привести отрывок из обращения, которое я опубликовал несколько позднее, осенью 1918 года, в «Политическом обозрении». Эта полулегальная газета издавалась в конце войны Карлом Биттелем в Эслингене-на-Неккаре и обращалась к молодым людям, прежде всего к участникам мелкобуржуазного молодежного движения. Так вот, там я писал:

«Если мы до конца не отречемся от ложного патриотизма, то всякое наше слово падет на чашу весов контрреволюции. Всеми средствами способствовать победе революции означает гражданскую войну! Твое патриотическое сердце содрогается, твоя душа патриота полна отвращения, твоя патриотическая совесть противится: да, да, моя тоже. Все еще по инерции. Но я от этого отрекаюсь!»

И о значительных событиях, которые происходили между мартом и ноябрем 1917 года в тогдашней царской империи, и о тех важных выводах, которые принесли с собой именно эти месяцы, мы знали совсем немного. В эти месяцы Ленин дал международному рабочему классу целый ряд замечательных исследований и руководств к революционному действию. Но мы узнали это позднее, когда получили возможность прочесть в 1918—1919 годах его работы «Задачи пролетариата в нашей революции», «Государство и революция», «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Удержат ли большевики государственную власть?» и

когда познакомились с чрезвычайно важной для нас, вышедшей незадолго до этого работой Ленина об империализме. Что касается меня, то лишь теперь в голове моей окончательно прояснилось учение о классовой борьбе. Это произошло при чтении ленинской работы «Государство и революция», которая дошла до нас в дешевом швейцарском издании.

Предельно понятным стал вдруг лозунг Маркса, который употребил наш оратор в Вестенде: диктатура пролетариата. И основная ленинская мысль: недостаточно признать классовую борьбу; необходимо идею классовой борьбы довести до конца, до признания диктатуры пролетариата.

Не только мне, новичку в социалистическом движении, но также многим молодым рабочим, которые уже до войны были политически организованы и изучали марксизм, русская революция открыла совершенно новый мир идей и действия. Теперь появилось доказательство, что социалисты могут взять и удержать власть революционным путем, передать важнейшие средства производства в общественное владение и проводить внутреннюю и внешнюю политику, направленную на построение социалистического общества. Все, что мы узнали в марксизме, выступило в новом свете: теория обратилась в практику, и наша деятельность, пока лишь еще направленная на завоевание всей массы рабочего класса для свершения социалистической революции,

получила новое содержание. При этом теория опять-таки приняла новый облик.

Было совсем не просто читать Ленина. Стиль его работ был для нас необычен. Я еще хорошо помню, как при чтении «Государства и революции» я был почти раздосадован: чего он, собственно, хочет? Почему одно и то же он снова и снова повторяет другими словами? Почему он все время топчется на месте, приводя все новые и новые доводы, чтобы доказать уже доказанное? И к чему это педантичное цитирование Маркса и Энгельса, это постоянное настаивание на точных формулировках?

Прошло какое-то время, пока я понял, в чем заключалась тайна. Здесь человек мыслит строго научно и в то же время от лица народа и для народа, мыслит, руководствуясь философским тезисом о том, что всякая вещь, как и всякий процесс, имеет много различных сторон, которые можно познать. На основе того жизненного опыта, что каждый человек по-своему подходит к вещам и явлениям, на основе выводов пропагандиста, что принимается лишь такая правда, которая многосторонне подкреплена доказательствами — в чем отразилась позиция теоретика, практика и революционного борца, для которого теория и практика составляют неразрывное единство, — возник новый способ мышления. Но это мне стало ясно позднее. До этого были три фактора, которые воздействовали на мое сознание — и не только политическое! Я хочу рассказать имен-

но так, как это запечатлелось в моей памяти.

Первым фактором был исторический подход к предмету. Всякая вещь, всякое явление, всякая проблема имеют свою историю. Чтобы верно понять вещь, необходимо знать, как она возникла. Это касается, однако, не только процесса или самой вещи, но и мыслей, которые возникают у людей по отношению к ним. Позднее к такому подходу, который Ленин, не называя его определенным термином, втолковывает своим читателям, добавился еще один. Не могу сказать, писал ли об этом Ленин где-нибудь или я слышал это от него в одной из многих бесед с другими товарищами, где я присутствовал. Дополнение это гласит: всякое явление познается особенно хорошо, если проследить за его возникновением и исчезновением. Когда процесс находится на вершине своего развития, он обрастает таким большим количеством единичных и побочных явлений, что сложно выявить его сущность. Сущность выступает более явно, когда при возникновении *еще* нет, а при исчезновении *уже* нет этих многочисленных деталей. Так, изучение возникновения государства дает нам ключ к пониманию развернутой формулы его возникновения: государство возникло для закрепления господства одного класса над другим. И таким остается оно даже в роли «благодетеля» или когда разыгрывает из себя «защитника отечества», что мы как раз наблюдали в мировую войну.

Здесь пришло второе великое открытие: ничего не поймешь, если о государстве, о войне рассуждаешь в общем. От общих рассуждений необходимо перейти к рассмотрению данного, конкретного государства, данной, конкретной войны, изучить и проанализировать их конкретное развитие.

Самое волнующее в этой книге то, что она занимается двумя конкретными формами государства, из которых одна сменяет другую, — капиталистическим государством и новым государством, которое пролетариат устанавливает на месте старого. Все это мы читали в тот момент, когда еще верили в возможность довести германскую Ноябрьскую революцию до пролетарской революции. Правда, и до этого времени мы чувствовали себя участниками борьбы за власть. Зато теперь мы ощутили себя — мы, «маленькое меньшинство» — причастными к великим событиям: коммунизм — мировое движение, и ему принадлежит будущее. А в одной стране, в России, по соседству с нами, борьба за власть уже решена в пользу «нашего меньшинства». Здесь вопросы власти, которые рассматриваются в работе Ленина, стали проблемами будней. То, чего мы так страстно желали и за что боролись, стало там делом всего государства, во главе которого стояли «наши люди», а во главе всех их — Ленин. Здесь мыслили и действовали совершенно по-новому! А как это бывает, когда власть уже в руках?

Цепь мыслей и чувств, которые в нас

вызвала эта книга и все, что доходило до нас тогда из России, была чуть ли не бесконечной. Но итог всему был: незыблемое чувство правильности однажды избранного пути и уверенности в победе — если не сегодня, то завтра. А это опять-таки порождало мужество нашего «меньшинства» — нас и в самом деле было еще немного, и мы знали это! — бороться за это дело и отдавать ему все!

Третье, что дала нам книга,— это было желание научиться лучше понимать Маркса и Энгельса. Ленин показал нам здесь такого Маркса, которого мы еще не знали. В Германии осмеливались фальсифицировать тексты Маркса, чтобы обосновать тактику компромиссов с буржуазным режимом. Наверняка было еще многое, что от нас утаили! Но сколько и что именно, об этом мы узнали позднее, когда советские ученые получили доступ к архивам Маркса и Энгельса.

Побудил меня читать и перечитывать постоянно наших классиков в подлиннике опять-таки Ленин. Я всю жизнь перечитывал их и должен признать, что и до сих пор нахожу много нового для себя у Маркса и Энгельса. Впоследствии Ленин же указывал путь и к другим источникам знания, ему я обязан знакомством с Гегелем, вообще моим интересом, точнее говоря, любовью к истории философии и к естественным наукам. Благодаря ему я всякий раз радуюсь и наслаждаюсь, обдумывая свои и чужие

мысли, — удовольствие на всю мою жизнь.

Эта первая встреча с Лениным, претворившая мысли его о диктатуре пролетариата в боевые лозунги, с которыми мы выступали на массовых собраниях и демонстрациях и с помощью которых мы определили наши действия и нашу пропаганду, дала направление всей моей политической деятельности в Мюнхене зимой 1918 и весной 1919 года. Она стала в то же время и определяющей для всего моего дальнейшего духовного развития. Мне даже и во сне не могло тогда присниться, что после этой первой заочной встречи с Лениным вскоре произойдет и первая личная.

К этому вел целый ряд событий, которые хотя и определялись всем ходом истории, но каждое само по себе носило случайный характер.

В течение зимы 1918 года наша молодежная организация в Мюнхене набрала силу. Я между тем вступил в «Коммунистическую партию Мюнхена», которая образовалась здесь в ноябре. Толчок к этому дали сообщения, доходившие до нас из России, о переименовании боевой ленинской организации большевиков в коммунистическую партию. Мы скорее чувствовали, чем понимали, что речь идет здесь о партии нового типа и о том, какую роль она призвана сыграть в строительстве нового общества. С этого момента я рассматривал свою работу среди молодежи как партийную задачу и при решении любых проблем пользовался

советами партийного руководства. А таких проблем было много, потому что наше влияние среди мюнхенской молодежи росло. К нам пришла часть профсоюзной молодежи, молодые члены рабочих и солдатских Советов. В собраниях наших принимали участие многие сотни молодых людей. В нашем местном руководстве были также и члены солдатского совета артиллерийского полка, расположенного в Мюнхене. И когда «Коммунистическая партия Мюнхена» назначала демонстрации, на меня возлагалось решить — выходить с оружием или без.

Круг моих задач расширялся, а вместе с ним и «случайности», которые должны были вскоре привести меня в Москву. Будучи руководителем местной группы Свободной социалистической молодежи, я постоянно поддерживал связь с революционным Советом солдат и рабочих, который практически долгое время осуществлял функцию как бы второго правительства. Совет назначил меня цензором всех аккредитованных в Мюнхене телеграфных агентств. «Резиденция» моя находилась в здании ландтага, сюда каждое утро должны были являться представители различных агентств, а я своей полномочной властью с красным карандашом в руке решал, что они могли печатать, а что нет.

Поддерживаемое радикальным крылом мюнхенского рабочего класса, в Баварии с 8 ноября 1918 года по конец февраля 1919 года просуществовало правительство, в

котором тон задавали представители социалистической партии. Но затем правые элементы в партийном руководстве социал-демократов в Берлине пошли на сделку с милитаристами и буржуазной реакцией. Революционный пролетариат потерпел в Берлине и других промышленных центрах севера тяжелое поражение. Волна революции схлынула, и тем самым и в Баварии влияние левых в правительстве пошло на спад. Сигналом к наступлению реакции в Баварии послужило убийство 21 февраля 1919 года графом Арко Валлеем премьер-министра Курта Эйснера, принадлежавшего к ССП. Оно, в свою очередь, вызвало события, заставившие меня покинуть Мюнхен.

Обязанности цензора я делил с другим молодым коммунистом, который являлся личным секретарем председателя «Коммунистической партии Мюнхена». Будучи «специалистами по прессе», во время заседаний баварского ландтага мы обычно находились в пресс-ложе. А тут случилось так, что один мясник-полуанархист решил скорым судом своими силами отомстить за смерть Курта Эйснера. Во время траурной церемонии он ворвался в ландтаг и несколько раз подряд выстрелил в оратора, руководителя правых социалистов Ауэра, которому молва, между прочим, приписывала участие в убийстве Эйснера.

Для покушения на Ауэра мясник Линднер выбрал именно нашу пресс-ложу. Нас в этот день не было в здании ландтага, а

меня даже вообще не было в Мюнхене — я был на всегерманской конференции Свободной социалистической молодежи в Берлине. Но так как каждый знал, что это «наша» ложа, то ввиду растущей травли коммунистов можно было наверняка ожидать, что преследование обратится против нас. И я получил указание не возвращаться в Мюнхен, а поступить в распоряжение берлинского партийного руководства.

Это было легче сказать, чем сделать. В Берлине мартовские бои революционных рабочих, эти последние столкновения, которые происходили весной 1918—1919 годов, закончились новым поражением революционных сил. Только что основанная Коммунистическая партия Германии была запрещена. Из членов ЦК в Берлине находился лишь товарищ Пфайфер; разумеется, жил он нелегально, но мы знали, как его разыскать.

Встреча с ним и определила решение, которое привело меня к Ленину. Когда я кратко сообщил о своем положении, товарищ Пфайфер прервал меня: «Да ты словно по зову явился. Нам нужен человек, который доставит важные сведения в Москву Ленину. У тебя есть желание?» Желание? Что за вопрос! В Москву, к Ленину?

Уже два года моей самой сокровенной мечтой было когда-нибудь побывать в Москве, в таинственном городе, из которого до нас доходили противоречивые слухи. При этом познакомиться с таким человеком, как

Ленин, ставшим к тому времени чуть ли не легендарным, — об этом я и думать не смел!

Не спрашивая ни о каких условиях поездки, я тотчас согласился. В Берлине я все равно не мог оставаться. Я попросил разрешения взять с собой моего мюнхенского товарища Людвига, который был в том же положении, что и я; так в любом случае надежнее — ум хорошо, а два лучше.

Через три дня нам сообщили, что ЦК согласен доверить нам это задание. Пока зашифровались письма Ленину — нам должен был их передать некий товарищ Вольф, — мне удалось предупредить Людвига. Я посоветовал ему оставаться пока вблизи Мюнхена и ждать дальнейших указаний.

То, что я узнал во время первой строго законспирированной встречи с товарищем Вольфом, было несколько обескураживающим: железнодорожного сообщения за германской границей в настоящее время нет. Через восточную Литву проходит фронт гражданской войны. В Литве и южной Латвии банды так называемых «добровольцев» и германские части оттеснили силы Красной Армии на восток. А что дальше, за линией фронта, сказать никто не мог. Ясно было лишь, что там, далеко в тылу, находилась Москва, куда лежал наш путь.

Два письма к Ленину были готовы. А также и другое «послание», которое мы должны были взять с собой: две пачки газет. Каждый из этих пакетов весил примерно десять килограммов, в них были немец-

кие газеты всех партий за целую неделю. Здесь мирно соседствовали «Кройццайтунг», «Нойе цайт», «Форвертс» и «Теглихе рундшау». На мой удивленный вопрос, зачем это, я получил ответ: «Ленину нужна обширная информация, из всех стран. Почтовой связи сейчас нет, поэтому каждый, кто отправляется в Москву, обязан брать с собой газеты». Как нам доставить эти пакеты, мы не думали в тот момент. Дело казалось обычным: я уже мысленно видел Ленина, склонившегося над нашими газетами. Вот он отмечает статьи и передает их дальше для обработки. Сразу Ленин как бы приблизился к нам. Отправиться к нему, быть может, увидеть его — вот что заслонило все остальное.

Лишь на следующий день я понял, насколько сложным будет это путешествие, когда привлек в качестве советчика большой атлас. Если нет железнодорожного сообщения, то значит не меньше двухсот километров придется пройти пешком. Двести километров по оккупированной стране, через две линии фронта! «Приятным» было и то, что товарищ Вольф не имел возможности выдать нам на дорогу ни одного пфеннига из партийных средств. Мне дали лишь две явки на шоссе Таураге — Шяуляй.

Опущу подробности подготовки к путешествию, на которую ушло несколько дней. В назначенный срок нас было трое. Со мной отправлялись Людвиг и русский инженер примерно лет сорока. Он был сыном вдовы русского генерала, жившей у моей бабушки

на полном пансионе в Кётченброда. Как только началась война, старая дама перестала получать пенсию из Петербурга и надеялась восстановить ее при новом правительстве.хлопотать об этом в Москве должен был ее сын. (Предложение взять с нами Жоржа было настолько неожиданным, что я, не раздумывая, согласился.)

Решающим было то, что с нами по крайней мере будет хоть один человек, говорящий по-русски. К тому же старая дама финансировала путешествие Жоржа тысячей марок. Сумма не ахти какая — около ста марок на нынешние деньги, — но все же лучше, чем ничего. 18 марта 1919 года мы встретились в Берлине.

Людвиг пришел не с пустыми руками. Я поручил ему раздобыть в Мюнхене хоть какой-то документ, который оправдывал бы нашу поездку в пограничную область Восточной Пруссии. То, что он принес, превзошло все мои ожидания. Это была бумага, подписанная бывшим министром просвещения — членом ССП, — с которым был дружен Людвиг. На бланке министерства просвещения подпись и печать подтверждали, что господа такие-то являются студентами Мюнхенского университета и по поручению ректора должны осмотреть поместья в Восточной Пруссии или под Мемелем (теперь Клайпеда), пригодные для устройства в них студенческих домов отдыха. Всем властям предлагалось оказывать всяческую поддержку этой студенческой делегации.

19-го нам вручили отпечатанные на шелке — с печатью ЦК КПГ — удостоверения, два зашифрованных письма и пакеты с газетами. Удостоверения мы зашили в отвороты брюк. Тысячмарковую банкноту разменяли. Оделись с учетом холодов в России: старые зимние пальто и немного шерстяных вещей. Днем позже мы сидели в обшарпанном транзитном вагоне, который должен был доставить нас в Кенигсберг.

Теперь в прямом смысле я был «на пути к Ленину».

БОЛЬШОЕ СТРАНСТВИЕ

Еще в Берлине я рассчитывал направиться из Тильзита на северо-восток, в Литву, следуя вдоль Таурагенского шоссе, а затем из Шяуляя свернуть на восток. Там, восточнее Шяуляя, в одно-двухдневном переходе находилась линия фронта. Все это я прикинул с помощью моего старого атласа Андрэ. Я понимал, что для такого значительного предприятия его явно недостаточно. Поэтому я решил раздобыть в Кенигсберге какие-нибудь дополнительные сведения о нашем маршруте.

На всегерманской конференции Свободной социалистической молодежи, которая проходила в Берлине в феврале 1919 года, я познакомился с руководителем кенигсбергской организации товарищем Подзусом. Он был ошарашен, когда я внезапно поя-

вился у него. Спутников своих я оставил в городе, договорившись встретиться с ними в назначенном месте лишь вечером. Таким образом, я мог достаточно долго поговорить с Подзусом, который освободился во второй половине дня. У него в комнате был старый атлас, а кроме того, и сам он мог быть нам полезен, поскольку исходил родную ему Восточную Пруссию вдоль и поперек. Он горел желанием помочь, и в то же время здорово завидовал мне. Снова и снова воображение уносило его в Москву. Наконец, мы решили, что лучше всего перейти границу у маленького местечка Лаугуарген, примерно в двадцати пяти километрах северо-восточнее Тильзита. К тому же здесь началось большое шоссе Тильзит — Рига, на котором находились те два пункта, куда нам надо было зайти. Подзус подробно рассказал о политических настроениях в городе, и прежде всего среди солдат, демобилизация которых еще не закончилась. Солдат он знал очень хорошо, потому что служил писарем в штабе округа. И вдруг нас осенило: до сих пор я ни разу не задумывался, с какими бумагами нам пробираться за пределами Германии. У нас были обычные немецкие паспорта. А Подзус предложил мне еще и военные билеты, какие выдавались демобилизованным. И вечером того же дня у меня в руках были три билета, по которым мы являлись русскими подданными: Людвиг и я — немцами с Поволжья, во вре-

мя оккупации мобилизованными в армию, а теперь возвращавшимися на родину.

Посмотрев на нас, легко было убедиться, что эти документы соответствуют действительности. Трое долговязых, тощих мужчин, из которых двое, помоложе, были светловолосы и имели «восточный тип лица», как тогда уже говорили. К тому же на нас была поношенная штатская одежда. Людвиг и я, кроме того, отслужили несколько лет у пруссаков и держались с военной выправкой. Одним словом, мы выглядели, как многие бывшие солдаты, которых наконец-то отпустили домой. Первую проверку наши бумаги должны были пройти на следующее утро на кенигсбергском вокзале. Тут, в Восточной Пруссии, тоже произошли столкновения, и полиция искала оружие. Наши пакеты с газетами, которые мы потихоньку начали проклипать, вызвали подозрение полевой жандармерии. Но затем, когда содержимое одного из пакетов, вскрытого жандармами, показалось им безобидным (сверху лежало несколько экземпляров консервативной «Кройц-цайтунг») и мы пояснили, что намерены продать газеты в Тильзите, чтобы иметь немного денег на дорогу, нам разрешили сесть в поезд, идущий на «родину».

Вокзал в Тильзите, куда мы прибыли незадолго до наступления темноты, являл собой весьма беспокойное зрелище. Здесь мы совсем не бросались в глаза, так как перроны, подземные переходы и залы ожидания кишели сомнительного вида людьми, нагру-

женными всевозможным скарбом. Поезд в Лаугуарген отправлялся лишь на другое утро. Таким образом, нам надо было провести ночь в Тильзите. На улице шел дождь — холодная морось. Мы отправили Людвига на поиски пристанища. На вокзале, где с багажом остались Жорж и я, было неуютно и жутковато. Примерно через полчаса Людвиг вернулся ни с чем. Город переполнен беженцами. Ни в одной гостинице, ни на каком постоялом дворе нет ни одного свободного места.

Между тем стало почти темно. Без долгих раздумий я объявил подъем — командование в нашей маленькой группе без возражений было передано мне. С тремя рюкзаками и двумя пакетами мы наугад направились с вокзала сквозь длинные торговые ряды в город. На витринах повсюду были спущены жалюзи. Казалось, город замкнулся от нас.

Мы, должно быть, прошли два или три квартала, когда оказались перед пивной, в дверях которой стоял приземистый мужчина и удивленно разглядывал нас. Он как раз намеревался закрыть свою лавочку. Внимание, которое он обратил на нас, побудило меня заговорить с ним. Мужчина — он был хозяин пивной — выслушал мой рассказ и пригласил нас войти и чего-нибудь съесть и выпить. Мы не заставили себя упрашивать, и вскоре, после того как хозяин опустил жалюзи, мы сидели за чисто выскобленным столом, на котором перед нами была жареная картошка с яичницей и пивные кружки.

Хозяин составил нам компанию. Он был немного навеселе, оттого, вероятно, и стал таким гостеприимным. Поначалу мы были очень осторожны в своих высказываниях, в то время как он выкладывал все, что у него было на душе. Он был не больше не меньше, как председатель тильзитской организации независимой социал-демократической партии. И из всего того, что он рассказал о мартовских берлинских боях, о крупной забастовке в Кенигсберге и ее эпилоге, а также о наших мюнхенских событиях, можно было заключить, что он действительно, по крайней мере по своим настроениям, был тем, за кого себя выдавал.

Теперь и мы стали разговорчивее, чему способствовало и пиво, которым радушный хозяин все время наполнял наши кружки. Я, разумеется, строго придерживался версии, по которой мы подыскивали здесь, в Восточной Пруссии, и в прилегающей к ней Литве подходящее место для строительства студенческого пансионата. Подмигнув мне, хозяин принял это к сведению. Он укрепил нас в намерении ехать в Лаугуарген и в заключение признался, что в комнате наверху у него имеется карта генерального штаба Литвы. Так... на всякий случай... ведь ничего не известно... и не желаем ли мы приобрести ее. Да он и отдаст ее дешево.

Это было, конечно, непредвиденной удачей. И когда потом наш благодетель, немного покачиваясь, и в самом деле возвратился в зал с великолепной большущей военной

картой Литвы, наклеенной на серую марлю, я был так тронут, что, не торгуясь, выложил за это сокровище половину нашего капитала — целых пятьсот марок. У меня было такое чувство, что хозяин не поверил ни одному нашему слову и приписал нам какую-то таинственную конспиративную миссию, которую ему как единомышленнику следовало поддержать и притом за хорошие деньги. Поздно ночью мы докатились до того, что поочередно обнимали и целовали друг друга, до тех пор пока хозяин не ушел к себе наверх, а мы не растянулись на скамьях, обитых кожей.

На следующее утро нас разбудили довольно рано. Хозяин с шумом поднял жалюзи, принес нам кофейник жиденского кофе и сухарей. Теперь у него были холодные глаза и держался он отчужденно и неприступно. Вероятно, он отчетливо не помнил всего, о чем говорил нам ночью и что нам дал, и, возможно, хотел поскорее от нас избавиться.

Поездка в Лаугуарген заняла несколько часов. Поезд подолгу стоял на каждой станции, и было уже темно, когда мы наконец прибыли на маленький грязный вокзал. Здесь, у самой границы, где никто никуда не спешил, было безлюдно, и мы без труда получили комнатку в маленькой гостинице на привокзальной площади. На улице стемнело, в пивной при гостинице не было ни души, и пришлось выйти в город, чтобы хоть что-нибудь разведать об этой местности. Вскоре мы обнаружили другую пивную, более оживлен-

ную. Здесь я сразу заприметил унтер-офицера пограничной службы, которого хозяин угощал водкой прямо у стойки. Впрочем, и мы привлекли его внимание. Я опередил его, подошел к стойке и, назвав наши имена, пояснил, что привело нас в эти края. Затем выразил радость по поводу знакомства со столь значительной личностью, как господин унтер-офицер. Унтер с готовностью расположился за нашим столом, и через каких-нибудь полчаса мы нашли общий язык. Я показал наши студенческие удостоверения, и пограничник уверовал, что нам крайне необходимо попасть в Литву. О, у него у самого там есть хорошие знакомые! А в одиннадцать туда пойдет машина, и нас доставят в Таураге со всеми удобствами. Только к шлагбауму не опаздывать! Ну, а четыре километра до границы можно и пешком протопать, зато дальше все пойдет как по маслу.

И по сей день не понимаю, почему все вышло не так, как выглядело в тот вечер. Быстрый успех вскружил мне голову, и я тотчас пошел на сделку. Да, собственно говоря, это и сделкой не назовешь. Унтер-офицер ничего не требовал, я ничего не предлагал. Даже количество стопок, за которые рассчитался я, было не слишком велико. Может, это и было моей ошибкой? Плохо «смазал»? Или, чувствуя нашу паивность, старый пограничный лис ставил капкан?

Но, убаюканные радужными надеждами, мы в эту ночь спали на редкость спокойно и уже на рассвете вышагивали к границе — с

теми же двумя пакетами. Они и на этот раз доставили нам много хлопот. Проселочная дорога к границе проходила через жидкую рощицу, небольшой голый холм, а затем с холма вниз; с холма видна была пограничная застава, шлагбаум и проволочное ограждение. Вечером накануне я нанес этот пункт на карту и теперь сверял по ней «объекты» на местности. Граница проходила вдоль шоссе по обе стороны шлагбаума. Вокруг были — как показывала карта — заболоченные луга, на которых тут и там рос ольшаник...

Приблизившись к заставе, мы увидели нашего унтер-офицера, который стоял перед входом в домик, приложив ладонь ко лбу и, вероятно, поджидая нас. От его вчерашней приветливости не осталось и следа. Он пригласил нас в караульное помещение, где, между прочим, никого не было: он сказал, что оба солдата на обходе. И что машины еще нет, она и опоздать может, так что придется подождать.

Ожидание затягивалось — наступил полдень. Я спросил, не случилось ли чего, и в ответ услышал, что необходимо дожидаться лейтенанта: только он может разрешить переход границы. Тон этого нового заявления мне не понравился — надо срочно принять какие-то меры. Вместе с Людвигом и Жоржем я вышел на шоссе, якобы «глотнуть свежего воздуха», и сообщил им о создавшемся положении. Мы еще раз условились, что будем отвечать, если дело дойдет до допроса. Потом я отослал их обоих в караулку. А сам,

пройдя еще немного по обочине шоссе до большого камня, лежавшего под рябиной, вдруг споткнулся, упал и засунул под него два зашифрованных письма. Выругавшись, отряхнул брюки и, немного прихрамывая, возвратился назад. В караулке был только Жорж. Людвиг унтер-офицер увел в заднее помещение, в котором, как выяснилось позднее, был «кабинет» лейтенанта. Воспользовавшись моментом, чтобы избавиться на случай обыска от прочих подозрительных документов — трех военных билетов, я быстро сунул их под запыленные папки, лежавшие на шкафу.

Вслед за Людвигом унтер-офицер вызвал Жоржа и меня. Но он лишь списал наши паспортные данные.

А времени было уже больше часу. И чувствовали мы себя весьма неудобно. Унтер-офицер вышел на улицу. Через минуту он вбежал в комнату с возгласом: «Лейтенант Фогель!»

Странное дело, но на маленькой пограничной заставе не было телефона, и о приближении лейтенанта Фогеля унтер-офицер узнал, заметив на вершине холма его одноколку.

Завидя нас, лейтенант сделал чрезвычайно удивленное лицо, но мне показалось, что ему уже все известно. А унтер-офицер докладывал о задержании «трех студентов без надлежащих бумаг». Очевидно, мы попали в ловушку: унтер-офицер заманил нас сюда.

Лейтенант Фогель был тщедушный чело-

вечек с невыразительным и отнюдь не интеллигентным лицом. Он был высокого мнения о своей персоне. Об этом свидетельствовал не только его презрительный взгляд и снисходительный тон, но и необычайно высокая фуражка и громадный бобровый воротник на новенькой офицерской шинели. Я сразу раскусил его: он был из тех, кого в последние годы войны мы окрестили «гугалиновыми лейтенантами», — мелкий коммивояжер, быстро получивший повышение только благодаря крайней нехватке офицеров. Стягивая перчатки, снимая шинель и лишь в последнюю очередь фуражку, человек расхаживал взад и вперед и задавал первые, самые общие вопросы. Потом в караулке начался своего рода коллективный допрос.

Мы отчеканивали заранее подготовленное, и я стал распространяться о вопиющей нужде, в которой из-за войны оказались студенты, о том, что многие наши товарищи были демобилизованы из армии по состоянию здоровья, потолковал о нормальном образе жизни, о студенческих санаториях и прочем. При этом я заметил, что лейтенанту Фогелю очень хотелось бы выглядеть образованным человеком с широким кругозором. Но вдруг речь зашла о таких прозаических вещах, как документы.

«Переход государственной границы разрешается с визой министерства иностранных дел в Берлине». Без устали повторяя это положение, лейтенант Фогель отвергал все мои

доводы. Правда, полной ясности у него у самого тут не было. Я решился на маленькую хитрость и заявил, что господин Мальцан (фамилию руководителя восточного отдела в министерстве иностранных дел я знал случайно) еще месяц тому назад в Берлине заверил меня, что для посещения восточных районов, оккупированных во время войны, никаких особых разрешений не требуется. Это я сочинил на ходу. Лейтенант Фогель хотя и не осмелился возразить (настолько он дал себя одурачить), но заявил, что имеет совсем иное указание, по которому как раз виза-то обязательна. Я попытался поднажать сильнее, но сразу добился противоположного. Лейтенант поднялся, выпятив грудь, прошествовал в свой «кабинет» и приказал нам ждать; когда вернется унтер-офицер, пусть немедленно явится к нему.

Их разговор, от которого зависела наша судьба, длился довольно долго. Я уже подумывал о побеге, но вскоре убедился, что это невозможно. Таким образом, оставалось лишь еще раз коротко обсудить, как вести себя на ожидаемом допросе, да ждать, что будет.

Мое предположение оправдалось: лейтенант решил допросить нас поодиночке. Первым вызвали Жоржа. За него я немного беспокоился. Но все обошлось благополучно. Минут через десять он возвратился с кипой бумаг в руках. Это были его личные документы, которые он захватил с собой: очень солидные бумаги об образовании, справка о службе на флоте, свидетельство о каком-то

изобретении... Эти большей частью русские документы несомненно произвели на Фогеля благоприятное впечатление. Следующим был Людвиг. Насчет него я мог быть спокоен. Его баварская настырность граничила с нахальством. Не моргнув глазом, он загибал такое, от чего стены трещали. Только не перегнул бы на допросе палку. Но тут должны сработать мои наставления. И в самом деле все у него прошло гладко.

Меня Фогель решил допросить последним. Он принял меня за вожака и не хотел, чтобы я известил товарищей о ходе допроса. Роль следователя крохотному лейтенанту явно была не по зубам. Все его вопросы не выходили из тесных рамок служебных предписаний. Печать и подписи сотрудников министерства просвещения оказали свое действие. С бумагами все было в порядке. Только вот наше намерение попасть в Литву казалось ему подозрительным. И все его придирки сводились к тому, что переход границы нам он разрешить не может.

Я уж было подумал, что опасность миновала, как вдруг лейтенант Фогель, допросив меня, пожелал осмотреть наш багаж. Я поспешил показать ему наши рюкзаки. Их содержимое и в самом деле было безобидным.

Но тут лейтенант глянул на пакеты. В этих вещах он, видимо, кое-что смыслил, и в нем пробудилось подозрение. Возможно, здесь часто приходилось иметь дело с контрабандистами, и оба пакета, о которых вообще до этого не было речи, сделали в его гла-

зах нашу группу в высшей степени подозрительной. Подозрение его возросло, когда, открыв один из пакетов — а в нем действительно были газеты, — он, как назло, сверху сразу же обнаружил номер «Свободы» — орган центрального комитета социалистической партии. Для лейтенанта, подобного Фогелю, социалисты были наверняка то же самое, что большевики. Теперь он вообще не знал, что с нами делать. Мои объяснения, что эти газеты предназначены для продажи, что в Литве за них хорошо заплатят, так как почтового сообщения сейчас нет, что таким вот образом мы хотели хоть немного пополнить наши скудные студенческие средства и что это ведь не товар, облагаемый таможенной пошлиной, не оказывали на него никакого воздействия. Лейтенант стоял на своем: дело тут подозрительное, он обязан задержать нас и передать властям. В этот критический момент я решил сделать ход козырем — и выиграл.

Я попросил лейтенанта о разговоре с глазу на глаз, в его «кабинете». Что уж я там говорил, в точности припомнить не могу. Но все сводилось к одному: кому же еще, как не ему — кадровому офицеру и человеку с университетским образованием — понять наши задачи и намерения; лица, которые нас командировали, а за ними стоит сам министр просвещения, едва ли правильно истолкуют подобное поведение товарища по университету. Человечка, который вовсе не был ни кадровым офицером, ни человеком с университетским образованием, моя грубая лезть

подняла в собственных глазах, и он снисходительно процедил: «Ну, ладно, задерживать вас я не стану, но газеты должен изъять».

Я попытался сопротивляться, отчаянно запротестовал против конфискации нашего единственно ценного имущества. Снова и снова я говорил о закупочной, но главное — о продажной цене этого товара. Газеты — наша собственность. До сих пор нам никто не препятствовал в провозе этих двух пакетов. Я даже осмелился пригрозить, что не уйду отсюда, пусть меня лучше арестуют вместе со всеми этими газетами. Разгорелся настоящий спор. Закончился он победой лейтенанта Фогеля. Я уступил и оставил ему газеты. Но перед уходом добился еще одной маленькой победы: по моему категорическому требованию лейтенант выдал квитанцию, в которой был указан вес каждого из пакетов в килограммах и граммах. Квитанцию эту я потом долго хранил, и, наверно, только благодаря ей в моей памяти удержалось имя лейтенанта Фогеля.

За этими долгими спорами прошла вся вторая половина дня. Солнце клонилось к горизонту, когда мы вышли из пограничного домика. Перед тем как покинуть караульное помещение, мне удалось достать со шкафа наши военные билеты, а когда мы были уже на шоссе, у той знакомой рябины у меня развязался шнурок. Я вынужден был остановиться. Прикрытый от пограничного домика своими товарищами, я вытащил из-под кам-

ня наше сокровище — два зашифрованных письма Ленину.

Небо обложили тучи, и время от времени обрушивался короткий ливень. Мы шли по шоссе в направлении холма. До вершины холма мы хорошо просматривались из пограничного домика, и я заметил, что унтер-офицер глядит нам вслед.

В то время как мы бодро вышагивали, освобожденные от двух злосчастных пакетов, я размышлял, как действовать дальше. Я быстро принял решение, и когда сообщил свои соображения товарищам, то лишь у Жоржа были сначала некоторые сомнения. Затем он присоединился к незамедлительно проявившему восторженное согласие Людвигу. Мой план был прост.

Менее всего лейтенант Фогель и его унтер-офицер могли ожидать, что мы, только что выпровоженные отсюда и недвусмысленно пообещавшие никогда здесь больше не появляться, в эту же ночь и, так сказать, под самым носом у них перейдем границу. Именно это я имел в виду. Добравшись до вершины холма, я еще раз осмотрел местность. Слева от шоссе, где находился пограничный пост, тянулись, насколько видел глаз, луга, которые лишь вдалеке перемежались с засеянными полями. За ними можно было различить лес. А вот жилья нигде не было.

Еще сотня метров, и мы были скрыты от взгляда с границы. Здесь, на западной стороне холма, тянулся лесок, который я заметил еще при спуске. Как только мы достигли

его, я свернул с шоссе. Нам не надо было углубляться в лес, чтобы спрятаться в густом кустарнике от взглядов с шоссе. Под старой сосной, которая немного защитила нас от дождя, мы опустились на землю. И тут, почувствовав голод, мы прикончили почти все наши запасы. Тем временем я изучал карту. Карта показывала, что граница в этом месте проходит на протяжении примерно пятнадцати километров по заливным лугам. Лишь в семи километрах от нее имеется узенькая проселочная дорога в западно-восточном направлении, а недалеко от Таураге она смыкается с шоссе Тильзит — Рига. По ту сторону этой дороги имелись разбросанные хутора. Реки вдоль границы не было. Все это, как и погода, благоприятствовало нашим планам. Молодой месяц появился довольно рано, и хотя тучи прикрывали его, ночь была довольно светлой. Так как всю ночь нам, вероятно, предстояло провести на ногах, я приказал спать. Подъем наместили на одиннадцать часов ночи. В то время как один дежурил, другие спали.

Наконец наступил час подъема. Дождь перестал, утих ветер. Мы шли цепочкой, на расстоянии пяти-десяти метров друг от друга, немного пригнувшись, чтобы при малейшей опасности тут же припасть к земле. Прошлогодня трава была влажной, но почва была тверда. Наверно, земля еще не успела оттаять, хотя снег уже недели две как сошел: это я знал со слов унтер-офицера. Карта и компас были при мне. Прикрытый

брезентом палатки, я при свете карманного фонарика снова просмотрел карту и выбрал направление, по которому мы должны следовать. Путь наш лежал на северо-восток. Продвигались мы медленно. Дважды тихо отдавалась команда: «Ложись!» Но в первый раз нас напугал заяц, а во второй — большая птица, может быть, болотная сова, которую мы спугнули.

Примерно через каждые десять минут мы сходились. Меня прикрывали брезентом, и я с помощью карты и компаса перепроверял направление. Все шло удивительно гладко. Стояла гробовая тишина. Постепенно светало. Полог туч стал тоньше, несколько раз он прорывался, так что на какие-то минуты выглядывал узкий серп луны. Мы ложились на землю и шли дальше, когда он опять исчезал. Однажды довольно широкая канава преградила нам путь. Но мы без труда отыскивали местечко поуже и одним прыжком перемахнули через нее. Луга, казалось, тянулись бесконечно. Полоска леса, которую мы видели вечером, была неразличима. Когда же наконец граница? Мы снова остановились, и я под брезентом сверился с картой. Направление было верным. Но шли мы уже почти три часа. Может, под конец мы пошли неверно?

Луга снова сменились пашней. Идти становилось все труднее. «Пахать ногами» — так говорят в деревнях Восточной Пруссии, когда, ступая по серым бороздам, волочишь на подошвах тяжеленные ошметки глины. Снова выглянул месяц, и снова мы лежа вгля-

дывались в местность. Внезапно в лунном свете вырисовались вдоль шоссе, примерно в двух или трех километрах, темные кроны деревьев, — откуда? Откуда бы им быть здесь, если мы даже не добрались до границы? Прошло уже три часа. Месяц на этот раз светил долго, так что мы пролежали добрых двадцать минут. Ощущался холод земли. И голод и возбуждение. Вдруг мы услышали скрип — тихий, но отчетливый. Без сомнения, это была крестьянская телега, которая тарахтела по ухабистой проселочной дороге. Значит, вереница деревьев там, впереди, и в самом деле шоссе! В таком случае где же мы находимся? Мне снова потребовался брезент. Карта показала: здесь только одна дорога, а она идет точно в том направлении, что и деревья, стоящие впереди, — шоссе Сартиникой — Таураге. Оно — в двух километрах от нас. Да, но тогда мы находимся...

Я подскочил: «Ребята, мы перешли границу уже давно!..» И объяснил, о чем говорит ряд деревьев и поскрипывание крестьянской телеги. Уже часа полтора мы были в Литве, верных пять километров отделяют нас от границы! Граница — это та небольшая канава, которая преградила нам путь (и где, подав руку Жоржу, я скомандовал: «Опля!»). От радости мы затанцевали. Оказывается, все очень просто!

Вскоре мы вышли к дороге, но в направлении на восток она возвращала нас назад, как раз к пограничному посту. Мы лишь немного прошли по ней, а затем пошли по по-

левой дороге, которая повела нас на северо-восток, после того как, устроившись на обочине, мы еще раз подкрепились. Теперь у нас было достаточно времени. Начало смеркаться, когда той же полевой дорогой мы пересекли небольшой лесок. Еще полчаса, и перед нами, в лощине открылся крестьянский хутор. Издалека мы увидели мужчину, работавшего во дворе. Он вышел нам навстречу.

Я быстро предупредил товарищей: теперь мы, конечно, возвращаемся домой, русские военнопленные. Крестьянин ничуть не удивился нашему появлению. Очевидно, мы были не первые, кто пересекал здесь границу в направлении на восток, и он стал еще приветливее, когда Жорж заговорил с ним по-русски. А когда он услышал, кто мы такие, он чуть было не бросился нам на шею, и мне даже было немного жалко обманывать его.

Вскоре мы сидели в крестьянской горнице, и хозяйка поставила перед нами парное молоко, хлеб и сало. Муж ее снова пошел работать, но вскоре вернулся и подсел к нам. С нашей стороны разговор вел почти исключительно Жорж. Хозяин оказался весьма разговорчивым, беседа текла не прекращаясь. Нет, о немцах он говорил без особой охоты. Остзейским помещиком, который здесь был раньше, он сыт по горло. О немецких солдатах, которые в этих краях были во время войны, он не рассказал ничего хорошего. По молчанию Людвиг и моему он заключил, что мы, должно быть, очень устали, и уложил

нас спать в сарае. После обеда нам надо было выходить, чтобы еще до темноты как можно дальше уйти от границы: как бы нас не заприметили литовские пограничники — с ними лучше не иметь дела.

Снова зарядил дождь, и под его барабанную дробь о крышу сарая мы быстро уснули.

Во время обеда, который мы разделили вместе со всей семьей, хозяин дал нам несколько хороших советов. Он одобрил наш план пробираться на Шяуляй. Оттуда идет железная дорога в Дюнабург, туда нам в любом случае надо. Он посоветовал нам, однако, миновать город Таураге и шоссе Таураге — Рига. Указал нам деревню и назвал имя крестьянина, который пустит нас ночевать и проводит дальше. Мы расстались как добрые друзья.

И вот началась основная часть нашего пути. Как долго продлится путешествие; где и когда мы перейдем вторую границу, которая вовсе и не граница, а линия фронта, мы не знали. Бумажные германские деньги, которые у нас еще были, не имели здесь никакой ценности, и нам надо было рассчитывать на чью-то помощь. Расстояние от границы через Шяуляй до тех мест, где, вероятно, проходил фронт, составляло километров двести. Если нам удастся пересечь линию фронта, то до Москвы останется самое меньшее тысяча километров. Но вся эта неопределенность нас не пугала. Окрыленные первым большим успехом и обрадованные теплым приемом, оказанным на чужбине первым же

крестьянином, мы отправились в путь. Даже мелкий холодный дождь, зарядивший снова, был нам не помеха.

Проселочные тропы вели по холмистой местности, через поля, луга и рощицы. То тут, то там недалеко от дороги попадался хутор. Шли долго, пока наконец не дошли до первой деревни. Затем мы пересекли, как предполагалось, шоссе, идущее на Шяуляй, и вновь полевыми дорогами пришли к деревне, которую нам указали.

Вторую встречу с литовскими крестьянами я помню неотчетливо. Письмецо, которое мы прихватили с собой, творило чудеса. Нас приняли как старых друзей, и я по сей день вижу, как сижу вечером за столом с большой крестьянской семьей. Где и как мы спали и что было на следующее утро — этого я уже не помню. Помню лишь, что кроме мешочка с провизией нас снабдили здесь и деньгами.

В этот день мы продвинулись изрядно. Отсюда, как разъяснил нам крестьянин, уже не опасно идти по шоссе. А так как оно от Таураге до Шяуляя шло будто по струнке, то это был кратчайший путь. Кроме того, время от времени можно было и подъехать на попутной телеге. В полночь мы приблизились к Скаундвилю. Это было первое место, где мы должны были получить помощь от здешних товарищей. Дома тянулись, как нам и говорили, по обе стороны дороги. Первый крайний дом слева за второй поперечной улицей — мелочная лавка. После обеда там за прилавком должен сидеть пожилой муж-

чина. Я должен заговорить с ним и спросить: «У вас есть соль?», на что он ответит: «Вам нужна кормовая соль или поваренная?», а я на это: «Поваренная», на что он снова: «Сколько?» И когда затем я скажу: «Полтора килограмма», то он поймет, кто я такой, и меня проведут в заднюю комнату и окажут всяческую помощь для дальнейшего пути.

С некоторым беспокойством вошли мы в поселок. Вид его точно соответствовал данному нам описанию. Мы дошли до второй улицы, и действительно, в крайнем доме слева была мелочная лавка. Жорж и Людвиг прошли немного дальше, а я вошел в лавку. Прилавок в ней был, но пожилого мужчины за ним не было. На звон колокольчика из задней комнаты вышла старушонка. Когда я задал ей вопрос по-немецки, как мне велели, она непонимающе посмотрела на меня и что-то ответила по-литовски. Теперь я, в свою очередь, непонимающе посмотрел на нее. Когда повторный вопрос не дал никакого результата, я привел Жоржа. Мы попробовали еще раз спросить, уже по-русски. Теперь старуха хотя и поняла, но ее ответы не совпадали с тем, что мы ожидали услышать. Нам ничего не оставалось, как купить пачку соли и удалиться.

Мы были не слишком расстроены, так как по нашему предыдущему опыту были почти уверены в том, что и без дополнительной помощи можем двигаться дальше. В этот день мы прошли совсем немного. Задолго до

того, как стемнело, мы свернули с шоссе и без труда нашли пристанище в деревне, лежавшей несколько в стороне. По-русски здесь везде понимали, так что договориться было несложно.

Весь следующий день наши ноги отмеряли летний путь по рижскому шоссе. Погода в этот день была как по заказу. Дождь прекратился. Мы коротали время песней, так как шоссе само по себе было очень однообразно. Обрамленное тополями, оно тянулось через цепь холмов прямой лентой. Говорят, что железная дорога, связывающая Москву с Ленинградом, потому такая прямая, что царь, при котором ее строили, якобы провел по карте черту, соединившую оба города. Примерно так же возникло это шоссе по воле какого-то жизнерадостного стратега: оно оставило в стороне все более или менее крупные поселения. Единственные два поселка, с которыми оно соприкасалось, возникли недавно, и, вероятно, после этого появились здесь постоянные дворы. К вечеру мы пришли в местечко Кельмы, где находилась наша вторая явка. На этот раз ею была третья крестьянская изба справа на первой поперечной улице. Здесь под вечер мы должны были условленным образом постучать в последнее окно. Но до этого не дошло. Оставив товарищей на деревенской дороге, я подошел к дому. Он находился в палисаднике и стоял на таком высоком фундаменте, что до окна можно было дотянуться с большим трудом. Очевидно, дом этот был указан по ошибке.

Мы решили не рисковать и направились на северную окраину деревни, где нашли место для ночлега в небольшом доме.

То, что нам предстояло пройти до Шяуляя сорок пять километров, не очень-то нас ободряло. Но что поделаешь? И ранним утром у нас под ногами снова потянулось уже пыльное шоссе. Вдруг позади мы услышали конский топот и поскрипывание колес. Мы остановились. Это была повозка. На облучке сидел долговязый худой мужчина в черном лапсердаке, из-под черной фуражки — пейсы и бараньи кудерьки правоверного еврея. Рядом с ним девушка с большими черными глазами. На плечах у нее была черная шаль. Повозка была пуста. Мужчина на облучке, по-видимому торговец, ехавший на базар в Шяуляй, и сам бы, вероятно, остановил лошадь, но мы опередили его, подняли руки. Мы смогли объясниться по-немецки, и он очень любезно пригласил нас поехать в Шяуляй, если нам туда надобно. Нас не пришлось уговаривать, и вскоре со своими рюкзаками мы сидели на соломе, устилавшей повозку. Иногда мы привставали, беседуя с возницей или посматривая на шоссе, которое казалось теперь значительно приятней. У нас не спросили, откуда мы и куда едем. И о деньгах не было речи. Вообще разговаривали мало. Мы лишь выяснили, что в Шяуляе частенько появляются немецкие войска. Неделю назад недалеко от города шли бои, теперь части Красной Армии отступили. Где находится фронт, было неизвестно.

Сведения были не очень-то утешительные. В конце концов Жорж и Людвиг растянулись на соломе, а я сидел, обдумывая положение. И пока я так сидел, слышалось пение — сначала тихое, потом почти в полный голос. Пела Роза, девушка, сидевшая на облучке. Возница сказал, что это его дочь. Пела она еврейские народные песни. Я слышал их впервые и был очарован нежной прелестью мелодии и наивной веселостью или грустью слов — язык литовских евреев легко понятен немцу. Одна из этих песен — о несчастной любви учителя — и сегодня звучит у меня в ушах, да и вообще весь этот день со всеми его тревожными известиями и этим чудесным пением глубоко врезался мне в память.

Ранним утром мы были уже в Шяуляе. В южных кварталах города никаких следов присутствия немецких войск не было. Мы остановились на широкой улице в центре города. Возница предложил нам немного подождать; возможно, ему придется ехать дальше и как раз в том направлении, куда нам надо. Роза осталась сидеть на облучке, и я, по просьбе отца, сел с ней рядом. Дул свежий ветер; я поднял воротник пальто и надвинул на лоб фуражку. Вдруг позади мы услышали конский топот. Роза резко обернулась и толкнула меня. «Немецкие офицеры», — шепнула она. И вправду — два офицера громко говорили о чем-то. Когда стук копыт послышался совсем рядом, я разобрал слова одного из них: «О! Недурная бабенка!»

Офицеры поравнялись с нами, и мне показалось, что один из них протянул руку к Розе. Я невольно подался вперед и при этом оттолкнул его. Чертыхнувшись, он взмахнул рукой и угодил мне в плечо. Я уже приготовился к худшему, но они проскакали мимо, я только услышал, как они обменялись грязными замечаниями о «бесстыжем жидовском отродье».

Это происшествие показало, что разумнее всего как можно скорее убраться из Шяуляя. Вскоре возвратился отец Розы. С сердечной благодарностью мы попрощались и вышли из города в сторону Радзивилишек. На окраине мы зашли в крохотную пивную, перед которой стояли упряжки. Люди, заполнившие эту пивную, были, как я догадался, окрестные крестьяне. Разговор с ними, который вел Жорж по-русски, подтвердил сведения, полученные от торговца-еврея. Еще дней десять назад части Красной Армии находились в непосредственной близости от Шяуляя.

Плохо организованные отряды литовских добровольцев и остатки немецких частей, которые «восстанавливали порядок», очевидно, не очень-то рвались в бой и не спешили занимать оставленные населенные пункты. Было ясно: мы все ближе и ближе подходим к линии фронта. Путь наш лежит по местам, сменившим за последнее время не одних владельцев, и уже завтра мы можем оказаться там, где идет война.

В тот же вечер мы почувствовали, как изменилось положение. При первой же воз-

возможности свернули с шоссе, ведущего в Радзивилишки, и двигались на юго-восток идущими вдоль него полевыми дорогами. Уже темнело, когда показались первые дома. Стало заметно прохладней, резкий ветер метал в лицо редкие градинки. Мы продрогли. К тому же еще и голод, ведь после закуски в крохотной пивной мы ничего не ели. Тут мы постучали в первый попавшийся дом, но нам довольно грубо отказали. Так повторялось несколько раз, и при очередной попытке мы выдали себя за возвращающихся домой русских военнопленных. Стало совсем темно, когда, наконец, нас впустил какой-то крестьянин. Мы узнали, что на прошлой неделе деревню занимали дважды. Дело дошло до стрельбы, причем несколько местных жителей было ранено. Еды не хватало. Мы убедились в этом: хотя мы могли заплатить, но получили только сухари и снятое молоко. В разговоре за ужином хозяин подобрел, хотя о немцах говорил с нескрываемой ненавистью. Где теперь проходит фронт — и он нам не мог сказать. Но Паневежис, таково его мнение, наверняка еще у русских. А до Паневежиса по шоссе — всего шестьдесят километров.

Крестьянин посоветовал нам и в дальнейшем не выходить на шоссе. На следующее утро снова шел дождь, хотя и не такой сильный. Мы бы охотно остались в деревне, чтобы дожидаться лучшей погоды. Но мне было ясно, что надо спешить. Очевидно, сейчас как раз происходит перегруппировка сил и нет

твердой линии фронта. В таких условиях прорваться легче, и нам надо как можно быстрее воспользоваться этим обстоятельством.

Идти по лесным и полевым тропам становилось все тяжелее, так как местами еще лежал снег. А не вполне оттаявшая почва была по-зимнему скользкой, талая вода образовала много луж, и надо было балансировать между ними. Особенно тяжело было идти Жоржу. Он все чаще просил передышки, и в конце концов, чтобы заставить его идти дальше, я взял у него рюкзак. Мы молча шли вперед, шли и спотыкались. На обед у нас оставался только черствый хлеб и остатки сала. Настроение было не из веселых. Снова наступил вечер, прежде чем мы добрались до деревни. На этот раз было еще сложнее найти пристанище. Мы отдали последние наши деньги за ночлег, ужин и небольшой запас еды на следующий день. Риск был велик, но выхода у нас не было.

На следующий день дождь прекратился, и в ранние утренние часы засветило солнце. Таким образом, у нас была надежда хотя бы остаться сухими. А земля была такая же, что и в предшествующие два дня: идти было даже тяжелее, потому что, чем дальше двигались мы на восток, тем чаще дорогу покрывал местами еще не растаявший снег. На этом последнем отрезке нашего странствия нам очень пригодилась карта. Благодаря тому, что на ней были отмечены даже самые незначительные полевые дороги, нам удавалось обходить деревни. Зачастую, понятно,

это увеличивало путь вдвое. Так мы проходили ежедневно до тридцати километров. Людвиг, как и я, был привычен к долгим походам. За Жоржа мы, напротив, тревожились. Идти ему становилось все труднее и труднее, и лишь надежда на скорую встречу с Красной Армией, то есть со своими, подбадривала его.

Последние пятнадцать километров остались в моей памяти самыми трудными за все наше странствие. Жорж жаловался на боль в ногах. Людвиг стал возражать против избранного маршрута. Он ворчал, потребовал карту, предложил другую дорогу, — делал все, чтобы ухудшить наше и без того скверное настроение.

Дождь между тем усилился. Наши пальто уже не могли защитить нас, и мы промокли насквозь. Из-за низко нависших серых туч темнота наступила раньше обычного.

Наконец впереди мы заметили очертания первых деревенских строений. Нигде не было видно света, не слышно ни одной собаки. Если судить по карте, деревня была большая. Когда мы прошли еще немного, то в одном из домов сквозь щели плотно закрытых ставней увидели свет. Калитка была открыта. Когда я постучал в окно, а потом в дверь, внутри раздался бешеный собачий лай. С другими домами выходило не лучше. На нас сыпалась брань на непонятном языке. Двери не открывались.

Дождь не ослабевал, и мы почувствовали, что силы наши на исходе, к тому же за це-

лый день мы едва перекусили. Наконец в каком-то доме дверь приотворилась. Это случилось, когда Жорж, по-видимому, совершенно искренне попросил «пожалеть нас, ради Христа». Ответ прозвучал на ломаном русском. Но женщина не хотела пускать нас в дом. Она обстоятельно объяснила, где находится дом старосты. Там нас наверняка пустят. Ведь это его обязанность — принимать пришлых. Да к тому же он сам наполовину русский. Непросто было отыскать дом старосты по приметам, которые нам дали в дверную щель. Дважды мы стучали напрасно, пока нашли дом.

Даже в смоляно-черной ночи сквозь плотную завесу дождя окна дома светились приветливо и гостеприимно. Голый палисадник тоже указывал на то, что дом построен совсем недавно. Высокий мужчина с коротко стриженными волосами открыл нам дверь. На вопрос Жоржа он сразу ответил тоже по-русски и пригласил нас войти. При этом очень уж приветливым он выглядел, но нам уже было все равно — главное, над головой была крыша.

В доме, по русскому обычаю, была одна-единственная просторная комната, большую часть которой занимала громадная печь. Кроме нее была еще довольно большая постель, стоявшая изголовьем к стене, но в комнате было очень просторно: табурет, стол с грубо сколоченной скамьей за ним — и все. На табурете стояла керосиновая лампа без стекла. Свет ее падал на молодую, довольно

милую опрятную женщину. Она разглядывала нас с удивлением, но еще больше с раздражением. Раздражение также слышалось в ее голосе, когда она что-то спросила у мужа по-литовски. И мужчина по сравнению с теми людьми, которых мы встречали в последние дни, был необычно нарядно одет. Это плохо вязалось с бедной обстановкой комнаты. Тщетно пытался я разрешить это противоречие. Одно, во всяком случае, представлялось мне очевидным: крестьянин был из зажиточных. Первая радость по поводу того, что наконец-то отыскалась крыша над головой, была омрачена этим моим наблюдением; хотя мужчина и был явно русским, но он же зажиточный крестьянин, а потому наверняка на стороне белых, пусть и литовских. А если так, то рано еще радоваться...

Жорж тем временем продолжал говорить с хозяином. Ответы крестьянина были краткими, и давал он их, хотя и не открыто враждебно, но все же ворчливо. По жесту я заключил, что для ночлега нам отводится угол комнаты. А по тому, что Жорж снял пальто с намерением улечься на голый пол, я понял, что нам нечего рассчитывать на солому или какую-нибудь другую подстилку. Жорж подтвердил мое предположение. Нам позволили здесь переночевать, больше ни о чем речи не было. Нечего было рассчитывать на какую-либо еду. Мужик сам об этом и словом не обмолвился, а Жорж не смел попросить. Последние наши деньги мы отдали накануне вечером, и у нас ничего не было, что мы мог-

ли бы обменять на еду. С завистью поглядывая на кровать, на которой лежали два красивых стеганых одеяла и большая подушка, мы устроились на полу. Мы промокли насквозь и постепенно начали ощущать, что комната едва протоплена. Таким образом, отдыха ночь не обещала. К этому добавился голод. Но все одолела страшная усталость.

Так мы лежали, тесно прижавшись друг к другу, — Людвиг у стены, я с краю, Жорж, которому тепло было нужнее, посерединке между нами. Вскоре глубокое дыхание Людвиг и обычное похрапывание Жоржа убедили меня, что мои товарищи заснули. Но я не спал и думал о неопределенном положении, в котором мы оказались. В конце концов мы находились почти у цели. Перед тем как лечь спать, Жорж передал мне сведения, полученные от старосты, которые придавали этому месту и этой ночи особое значение.

Еще два дня назад в деревне были большевики: взвод пехоты Красной Армии. Под вечер они без боя отошли — «сокращение фронта», как сказали они. Через день, стало быть, вчера, в деревне появился немецкий патруль под командованием лейтенанта, но через час, ничего не объявив и не предприняв, исчез в западном направлении. Когда Жорж сообщил мне шепотом эти важные сведения, уже невозможно было попросить его задать старосте еще несколько вопросов, чтобы уточнить положение. Я избегал и в дальнейшем хотел избежать, чтобы двое из нас, более молодые, были опознаны как немцы.

Крестьянин уже отошел от нас и уселся на кровать к молодой женщине.

Между ними начался оживленный и, как мне показалось, взволнованный разговор. Они говорили по-литовски — очевидно, женщина не знала русского — и не старались говорить тихо, хотя разговор безусловно касался нас. Возможно, они думали, что мы, все трое, спим — я ведь тоже натянул край пальто на голову и так зажмурился, чтобы сквозь веки следить за хозяевами. Определенно, они говорили о нас. Они постоянно посматривали в нашу сторону, указывая возбужденно руками то на улицу, то на нас, то на себя. Что бы все это означало? Я надеялся хоть что-то ухватить из их разговора. Если даже он происходит на незнакомом языке, то должны быть понятны отдельные слова.

И я услышал: отчетливо повторялись международные слова или литовские, значение которых я знал, — немцы, патруль, большевики, лейтенант, Красная Армия и несколько раз злое слово «шпион». Сомнения не было: местный староста обеспокоен, кого он приютит. Он был уверен, что мы большевики, да, пожалуй, еще и шпионы.

Что будет с ним, если немецкий патруль застанет нас здесь?

Все, что я слышал и о чем думал, было подавлено смертельной усталостью, которая усугублялась однообразным шумом все усиливающегося дождя за окнами. Я напряг все свои силы, чтобы не уснуть. Не может быть, чтобы все провалилось почти у самой цели,

ведь до частей Красной Армии один день пути.

Но прежде чем я смог собраться с мыслями, мужчина встал и вышел из комнаты. Я слышал, как стукнула калитка. Это могло означать только одно: староста пошел в деревню, чтобы связаться с немецким патрулем или привести хотя бы нескольких мужчин, которые для начала просто нас задержат. Действовать надо было быстро...

Женщина все еще сидела на краю кровати. После ухода мужчины она не сводила с нас глаз, и порой мне казалось, что наши взгляды встречаются. Справиться с ней было бы легко. Схватить, связать, платок в рот — это не будет преступлением; тогда мы могли бы скрыться. Но куда? На улице льет как из ведра. Разыскивая дом старосты, я совсем потерял ориентировку. К кому же нам обратиться? Нет ли опасности, что мы выйдем отсюда в обратном направлении и напрямик угодим к немцам в руки? Отсидеться в другом доме или каком-нибудь сарае представлялось бессмысленным и невозможным. И прежде всего: как мне поднять моих товарищей? И согласятся ли они без долгих объяснений отчаянно ринуться в темноту? Но на долгие речи времени сейчас нет! Каждую минуту староста может...

И вот он тут как тут! На мгновение я был освобожден от решения. Интересно, какую новость он принес? Что он намерен делать с нами? Плохо ли это, что он пришел один, или хорошо? А тем временем он подсел на

кровать к женщине, и они снова стали говорить. Да кем же они приходится друг другу? Муж и жена? Брат и сестра? Они говорили так же взволнованно, как и прежде.

Я снова пытаюсь что-то уловить. И снова слышу слова: большевики, шпионы, патруль, Красная Армия... Но на этот раз разговор короткий, всего несколько минут, затем они поднялись. Женщина взяла с кровати подушку, одеяла и простыни, быстро скатала все вместе и подхватила узел под мышку. Мужчина взял керосиновую лампу. Какую-то секунду они стояли в нерешительности. Староста несколько раз окинул взглядом комнату. Посмотрел на кровать, на которой остался только тюфяк, набитый соломой. Затем, нагнувшись, осветил в нашу сторону, выпрямился, сказал несколько слов женщине, и они, наконец, вышли из комнаты... Я услышал, как подперли дверь с той стороны.

В крошечной темноте, которая нас окружала, шум дождя звучал особенно громко и действовал на меня усыпляюще. Я пытался еще соображать, найти решение. Надо действовать! Немедленно! Разбудить товарищей, схватить вещи в охапку и прочь, через окно, на шоссе, прежде чем за нами придут.

Но мысли путались. Куда же? А если впереди патруль? Черные силуэты домов плясали перед глазами, промелькнула лошадь, дождь все барабанил и барабанил. И вдруг выскочила собака, целая свора, — они неслись со всех сторон, и ни одна из них не лаяла и не рычала.

Прежде чем меня окончательно сморил сон, еще раз промелькнула совсем ясная мысль — и я принял решение. До того лишь однажды в жизни (и два или три раза потом) я принимал такие решения, и каждый раз в таких случаях моя путеводная звезда выручала меня, как видно, за доверие. Я решил положиться на судьбу. И снова натянул край пальто, который уже почти отбросил, на голову и мгновенно уснул.

Когда я проснулся, то увидел на полу перед собой солнечное пятно, и в тот же миг пробуждающееся сознание уловило стук открываемых ставней. Я приподнялся и увидел, что мои товарищи тоже проснулись. Они, казалось, воспринимают как нечто вполне естественное так мирно начавшееся утро и приветливое солнце — ну, да ведь они совершенно не знали, что нам грозило. И кто знает, что началось для нас этим открыванием ставней. Я попытался привести в порядок свои мысли, и снова был ошеломлен.

Заскрипел засов — и вошел, в рубашке с закатанными рукавами, с караваем хлеба под мышкой и глиняным кувшином в руке, наш хозяин, суровый староста, «кулак» и вчерашний ловец шпионов! Что это означает? Или это угощение палача, или...

Но Жорж, который вскочил первым и уже стоял рядом со старостой, успел перевести: он желает нам доброго утра. Как нам спалось? Он принес кое-что поесть. Позади старосты появилась молодая женщина и смотрела через его плечо. Сейчас она выглядела

еще милее. И на лице ее, которое накануне вечером показалось мне почти враждебным, не было прежнего напряжения и раздражения. Я не мог опомниться от удивления. Меня поражало и то, что Жорж и Людвиг так естественно воспринимают превращение, происшедшее с нашими хозяевами,— но они и в самом деле ведь ничего не знали из того, что пережил я за час перед тем, как уснуть. Странно это было и непонятно. И вот мы сидим, от голода забыв умыться, за столом и наслаждаемся черным хлебом и парным молоком. И тут мы узнаем разгадку той загадки, которая, как это сейчас оказалось, была загадкой лишь для меня. Такой замкнутый и суровый накануне вечером, староста был теперь словоохотлив. Жорж переводил нам.

«Не сердитесь на меня,— начал хозяин,— что вчера вечером я встретил вас так нелюбезно. Даже ничем не попотчевал! Но вы должны знать...» Он немного запнулся, почесал за ухом, и легкая краска выступила у него на шее; молодая женщина тоже покраснела.

«Так вот, вам надо знать, что мы только переселились сюда. Вы ведь видите... А дело в том, что мы лишь три дня как поженились и только вторую ночь были здесь, в новом доме, и мы думали... — он снова запнулся и взглянул на жену, которая опустила глаза,— так вот мы думали, может, мы вам помешаем, ведь вы так устали... и вот мы долго думали, что нам делать. И наконец отправились ночевать к родителям».

Я чуть вслух не расхохотался над забавной разгадкой тайны. Подозрительные слова, жесты, «враждебное» поведение наших хозяев — все это, стало быть, только плод моей разыгравшейся фантазии! Слова «шпион, лейтенант, патруль» и все, что я еще слышал, — их вообще не произносили. Новобрачные были просто недовольны нарушителями покоя.

Мы узнали, что старосту в деревне не любят, во всяком случае определенные люди, поскольку он дружелюбно относится к большевикам. Он мог сказать только хорошее о том времени, когда они здесь находились. Теперь он советовал нам не задерживаться. Время благоприятное, потому что так рано утром немецкий патруль или добровольцы в деревню не явятся. Передовой отряд Красной Армии недалеко отсюда. Мы могли бы дойти туда за час. Добрый человек, считавший нас земляками, прямо расстаться с нами не мог. После того, как его жена снабдила нас съестным на дорогу, он вывел нас на восточную окраину деревни и указал на находившийся на дальнем взгорке лесок, до которого было километров пять. У подножия этого взгорка протекал ручей, а на мосту еще вчера весь день стоял пост красных.

Так быстро, как в это утро, я думаю, мы не шли за время всего нашего путешествия. Жорж снова нес свой рюкзак — вся вялость, казалось, слетела с него. И, увеличивая нашу радость, ярко светило солнце.

Часом позже нас задержали. С поднятыми руками мы позволили красноармейцу в папаше обыскать себя. Красноармеец, стоявший в тот день у моста в карауле, искал у нас оружие. А потом мы шли, как было приказано, сложив руки на затылке, друг за другом перед его обнаженным штыком через мост, по дороге, которая вела к холму. Впечатляющая сцена, которую мы так часто мысленно себе представляли, как мы, рыдая от радости, бросаемся на шею первому представителю Советской страны, не состоялась. Жизнь не столь романтична. Но даже «пленными», со штыком за спиной, мы чувствовали себя на вершине счастья: мы были «здесь», мы были в Стране Советов, дорога в Москву теперь лежала перед нами открытой.

В памяти еще жив первый отрезок этого пути. Караульный привел нас в какой-то помещичий дом. В гостиной, перед пылающим каминном, сидели несколько красноармейцев, командиров, как тогда говорили. Им было достаточно и того, что сказал наш сопровождающий о нас и о наших целях: «Спартаконцы!» На этот раз нас сердечно обняли и усадили за стол, на котором были чайник и краюха хлеба. В то время как мы выпарывали тщательно зашитые в отвороты брюк удостоверения, был отдан приказ зарезать двух уток и зажарить для нас. А потом пошли вопросы и ответы.

Утки еще не изжарились, как на улице вдруг раздался выстрел. Люди в комнате повскакивали с мест. После небольшой паузы

снова прозвучали выстрелы, затем затрещал пулемет, и тут кто-то ворвался в комнату: «Атакуют! Немцы! Они уже на мосту! Убили Володю!» Боль от того, что погиб первый красноармеец, которого мы встретили, наш «спаситель», заглушила радость, что мы в самый последний момент успели благополучно добраться.

В усадьбе все смешалось, раздавались приказы, клацали затворы винтовок, из сарая выкатили пулемет, люди сбегались, командиры были уже во дворе и отдавали приказы. Людвиг и я — молодые коммунисты — заклинали командира дать нам пулемет. Мы хотели идти со всеми вперед, чтобы отбить нападение и отомстить за гибель Володи. Но последовал строгий приказ возвратиться в дом. Он, командир, несет теперь за нас ответственность перед партией, и ребячество нам надо оставить. Уже готова повозка, которая доставит нас до ближайшего штаба. Он так и сказал «ребячество».

Несколько подавленные, мы вернулись к камину и волей-неволей поели еще не совсем дожаренных уток.

А бой тем временем продолжался. Первая атака была отбита. Когда через некоторое время мы неслись в крестьянской повозке, прибывшей за нами, в сторону холма, мимо промчался конный эскадрон — первое подкрепление для оборонявших мост. По ту сторону холма мы были уже недосыгаемы для пуль. Мы снова передали поводья вознице,

который со страху зарылся в солому. Мы были в безопасности!

Прошло еще какое-то время, пока мы добрались на этой повозке до места нашего назначения, в штаб того полка Красной Армии, который удерживал этот участок фронта.

Здесь и началась настоящая беседа. Это был допрос по всем правилам, сопровождаемый тщательной проверкой наших документов. Он продолжался значительно дольше, чем в прифронтовой усадьбе. Но потом командир полка, убедившись в подлинности наших удостоверений и важности задания, пригласил нас к столу. После всех передышек нам позволили день отдохнуть, и мы двинулись дальше.

Снова была упряжка лошадей, доставившая нас в штаб дивизии, и опять мы добрались, после очередной проверки, дальше до ближайшей станции железной дороги, в Дюнабург, называемый теперь Двинском. Командир дивизии отрядил с нами ординарца. В сопровождении этого молодого командира 20 апреля, в пасхальное воскресенье, мы прибыли в Москву. Ровно месяц продолжалось наше путешествие: 20 марта мы покинули Берлин. Езда по железной дороге заняла несколько дней. Я припоминаю еще один маленький эпизод. В Ржеве нам надо было ждать несколько часов, чтобы пересесть на другой поезд. Наш сопровождающий заказал самовар. Это был первый самовар, который мне довелось увидеть на русской земле, и он

был поразительных размеров. Я был так воодушевлен, что выпил двенадцать стаканов подряд. Это было, так сказать, чаевое крещение, при котором я научился ценить русское чаепитие.

Прибытие в Москву было совершенно неромантичным. Даже когда мы приехали в гостиницу «Метрополь» на Театральной площади (сегодня площадь Свердлова), куда нас доставил сопровождающий, мы еще не достигли цели. Прошло немало часов, пока наш лейтенант отвоевал нам комнату. Была, как уже упомянуто, пасха, и в конторе никого не было. Нас повели наверх, на четвертый этаж. Номер нашей комнаты — я его и сейчас помню — был числом, которое совпадало с годом моего рождения, если из него вычесть 1400, то есть 495. Она была неприбрана и вообще довольно неуютна; водопровод не действовал. Лейтенант покинул нас, и мы не знали, что же теперь будет. Нам не оставалось ничего другого, как только прямо, в чем были, броситься на постели.

Было уже темно, когда телефонный звонок разбудил нас — телефон, по крайней мере, работал. Убежденный, что вызов к нам не относится, я нерешительно снял трубку. Услышал на ломаном немецком языке: «Это немецкие товарищи? Не выходите, оставайтесь в номере, я сейчас прибуду». Вскоре русский товарищ из московского филиала Коммунистического Интернационала, центр которого находился тогда еще в Петрограде, сидел в нашей комнате. Он предусматри-

тельно прихватил буханку хлеба и две банки консервов.

С этого момента все пошло как по маслу. Через два дня мы перебрались в Кремль. Нам отвели уже упомянутое выше небольшое помещение в так называемом «коридоре придворных дам» в Большом дворце, а питались мы в столовой Совнаркома, где мы, зеленые юнцы, имели честь сидеть за одним столом с народными комиссарами. Это не только честь, но и удовольствие. Многие из них хорошо говорили по-немецки, особенно товарищ Мануильский, позднее длительное время генеральный секретарь Коминтерна, который, едва войдя в столовую, смешил нас веселыми рассказами. Хлеб, сахар, чай нам выдавали внизу, в соседнем крыле дворца. И сегодня еще этот хлеб точно перед глазами. Муки в нем было немного, зато вдоволь проса, и резать его можно было только толстыми кусками, иначе он крошился.

Буквально на второй день я смог отдать оба письма. Непосредственным получателем был указан председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов товарищ Я. Свердлов. Но товарищ Свердлов за несколько дней до нашего прибытия умер. Его могила находится у Кремлевской стены, возле Мавзолея Ленина. Письма пошли, таким образом, его преемнику. Он и устроил мне первую встречу с Лениным.

В ОСАДНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Итак, стало быть, я живу в Кремле, этой большой, обнесенной высокими стенами, украшенной многочисленными башнями крепости, в сердце древней столицы русского царства, ставшей теперь столицей русской революции. Более того, я проживаю в самом сердце Кремля — в царском дворце.

Эти чисто внешние обстоятельства не содействовали тому, чтобы вывести меня из приключенческих настроений, которые, помимо моего желания, завладели мной во время путешествия. В то время, когда мы были в пути, меня не могли занимать мысли, связанные с политикой. Задача была одна: ты должен дойти, ты должен доставить письма Ленину! Что происходило, что надо делать и о чем думать, всецело определялось теми трудностями, которые надо было преодолевать, вопросами, задачами, которые надо было решать. Бывают такие острые периоды, когда, постоянно действуя наяву, находишься как бы во сне.

Сон поначалу, казалось бы, затянулся. Я и представления не имел, что будет дальше. Жоржа с нами в Кремле уже не было. А через несколько дней расстался со мной и Людвиг. В это время с ним установила контакт другая партийная инстанция. Таким образом, я оказался один, и мне нечего было делать. Я использовал время на то, чтобы разгуливать по Кремлю и все рассматривать. На вход в Кремль необходимо было особое

разрешение, и я получил постоянный пропуск. А уж внутри можно было передвигаться совершенно свободно. Я расхаживал между зданиями по запущенным аллеям, в различных местах поднимался на стену и по узким внутренним лестницам взбирался на башни. Все мне казалось сказочным: архитектура древних церквей, которые так отличны от наших, западноевропейских, необычная форма мерлонов — зубцов Кремлевской стены и башен, множество относящихся к совершенно различным эпохам зданий, подземные ходы. И каждый раз со стен и башен открывался мне новый вид: отсюда на Красную площадь с причудливым собором Василия Блаженного и круглым Лобным местом; отсюда на протекающую красивыми изгибами перед самой длинной из пяти стен Кремля Москву-реку, за которой тянулся бывший район богатых купцов со сверкающими куполами многочисленных церквей и многоцветными крышами в основном двухэтажных домов.

А кругом во все стороны, насколько хватало глаз, город с его низкими домами, над которыми высились редкие многоэтажные здания, а между ними можно было повсюду разглядеть луковки куполов бесчисленных церквей. В двух местах, совсем далеко, в небо подымался дым из нескольких труб. Между прогулками я получал свой дневной паек, готовил завтрак и ужин и ходил на обед в столовую Совнаркома. Мои познания в русском языке были еще очень незначительны.

Со мной здесь говорили по-немецки, и здесь я узнавал важнейшие сведения о политических событиях. Только здесь мне стало известно, что, вскоре после того как я покинул Мюнхен, там произошел новый переворот, приведший к образованию Баварской советской республики. Подробности еще не сообщались. Эта новость вновь пробудила мое политическое самосознание. Вместе с Венгрией это была уже вторая советская республика, кроме Советского государства! Станет ли она началом переворота во всей Германии, началом мировой революции?

Еще одно событие нарушило идиллию первых моих дней в Кремле. Рассыльный вручил мне пакет. В нем были рукопись и письмо. Рукопись оказалась немецким переводом новой работы Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский», а в письме, подписанном товарищем Клингером из московского филиала Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, меня просили отредактировать этот перевод. Теперь у меня было чем заняться, и я засел за чтение текста.

А еще через день рассыльный, на этот раз в форме, сообщил мне: Ленин хочет встретиться со мной.

Ленин, следовательно, получил письма и знает, что курьер Центрального Комитета Коммунистической партии Германии прибыл из Мюнхена, где только что возникла советская республика. Разумеется, Ленин не мог знать, какими путями и сколько времени до-

бирался я из Берлина в Москву, и, по всей видимости, предполагал найти во мне прямой источник дополнительных сведений, для того чтобы лучше разобраться в мюнхенских событиях. Теперь дело было серьезное. Что же я смогу рассказать? Навряд ли я оправдаю его надежды.

Мое предположение вскоре подтвердилось. Наша первая, продолжавшаяся более часа, беседа заключалась в основном в том, что Ленин пытался вытянуть из «источника» все, что тот мог дать.

В точно назначенный час за мной явился ординарец. От дворца до здания, где находился кабинет Ленина, было недалеко. В небольшой приемной меня попросили немного подождать. Через некоторое время дверь позади секретарского места открылась, вышел посетитель, и настала моя очередь.

Ленин, как только я вошел, в не очень большую, но очень светлую комнату, ставшую позднее известной по многочисленным фотографиям и картинам, поднялся из-за письменного стола. Мы сели у столика в углу кабинета — Ленин на кожаный диван, стоявший у стены, а я в кожаное кресло напротив. Стол между нами находился на таком расстоянии, что мы видели друг друга с головы до ног. Ленин часто менял положение, иногда откидывался в угол дивана, положив левую руку на спинку, потом опять подавался вперед, ладонями охватив колени, когда, слегка наклонив голову, подробно расспрашивал, или сидел прямо, выслушивая

мои ответы, лишь слегка выдвинув плечи, на краю дивана и смотрел на меня снизу. Я постоянно ощущал на себе его взгляд — внимательный, изучающий взгляд. Казалось, он читает мысли. Подчас вопросы Ленина, требующие детальных ответов, касались того, о чем я сказать не успевал, а лишь думал.

Что до меня, то, сидя в кресле, я невольно распрямлялся. Наивная самоуверенность, с которой я вошел, все больше и больше уступала место нескрываемому смущению. И не потому, что Ленин каким-то образом заставил почувствовать его авторитет. Напротив, заметив мое смущение, он усилил тон «равного с равным», который взял с самого начала разговора. Но именно это делало меня еще неувереннее, потому что все глубже и глубже я осознавал неравенство нашего положения на самом деле.

То, что Ленин хотел знать о Мюнхене, о недавних событиях в Баварии и о внутреннем положении Германии, далеко выходило за пределы моих знаний и опыта. Я очень скоро обнаружил, что он прекрасно знаком с положением вещей в Мюнхене и во всей Баварии. Но особенно я был удивлен, когда Ленин в самом начале поинтересовался некоторыми чисто мюнхенскими делами и при этом показал, что ему знакомы и Английский сад с круглым храмом и Китайской башней, и Аумейстер и Унгерербад. Тогда я еще не знал, что он — примерно в тот же период, что и я, — на некоторое время останавливался в Мюнхене.

Больше всего я поразился его знанием крупных мюнхенских предприятий, из которых я сам знал лишь самые известные, а именно те, где у нас были молодежные организации. Поразительным было и то, что он многое знал об отношениях внутри баварской социал-демократии, о чем я был осведомлен также весьма поверхностно. Сведения, которые я мог сообщить, были далеко не полные. Рассказывая о влиянии Коммунистической партии на молодежь, я проявил преувеличенный оптимизм, что Ленин очень быстро уловил и с добродушной иронией отметил.

Моя скованность происходила не оттого, что я так мало мог сказать Ленину по вопросам, наиболее интересовавшим его, в особенности о возникновении и укреплении Баварской Советской республики. Он понимал, что я покинул Мюнхен до этих событий и потому не осведомлен о них. Тем более хотел он знать о том, что происходило в предшествующие этим событиям месяцы. И вот тут-то меня сильно угнетало все возраставшее сознание того, что для руководителя молодежной коммунистической организации крупного города я знаю очень мало, что я недостаточно глубоко вникал в политическую подоплеку происходивших событий. Тогда, во время этого разговора, я осознал, что настоящего коммуниста должно интересовать все и как мало еще мои знания и мой образ мыслей соответствовали тому, что теперь я считаю необходимым. С некоторым страхом я подумал, что и большинство моих товари-

щей по партии не очень-то успешно выдержат подобный экзамен.

Из всего, что я тогда рассказал, определенную ценность для Ленина, по-видимому, имело одно — характеристики некоторых личностей, беглые наброски, которые он выслушивал, то понимающе усмехаясь, то серьезно покачивая головой. Зато я оказался совсем неподготовленным к другому вопросу, который, очевидно, был очень важен для Ленина.

Я сообщил уже довольно много, когда Ленин заговорил о политических настроениях баварских крестьян и влиянии на них нашей партии. Только я заговорил о «левых течениях» и «растущем влиянии», как он поглядел на меня с нескрываемым удивлением. Брови его поднимались все выше и выше, когда я принялся рассказывать о «крестьянских советах». Когда же я назвал крестьянский совет в Розенгейме, он переспросил: «Розенгейм? Это на пути в Куфштейн? Но ведь это город, если не ошибаюсь, железнодорожный узел?»

Я попытался поправиться, но тут Ленин неожиданно спросил: «Кто вы, собственно, по профессии, товарищ?» и после моего — между прочим, не совсем соответствующего действительности — ответа «студент» прекратил сразу же расспросы о положении баварского крестьянства. Он осведомился, как меня устроили, не нуждаюсь ли я в чем-нибудь, какие у меня планы и не смогу ли я, если скоро поеду обратно, захватить с собой

письмо в Баварию. Наша беседа оказалась для Ленина полезной в том смысле, что в ходе ее он сделал некоторые дополнения к тем материалам, которые собирал для «Приветствия Баварской Советской республике». Это письмо действительно вскоре было написано. Но отправили его не со мной, а с Людвигом, так как я задержался в Москве, чтобы принять участие в подготовке организационного конгресса Коммунистического Интернационала Молодежи.

Этот довольно бесславный для меня финал первой моей беседы с Лениным долго не выходил у меня из головы. Поначалу я был расстроен и где-то в душе даже обижен этим, как мне представилось, совсем неуместным сомнением в достоверности моих сведений: какая связь может быть между моим знанием крестьянского вопроса в Баварии и моей профессией, моим социальным происхождением? Лишь с течением времени я на собственном опыте убедился, что в значительной степени кругозор каждого человека, широта охвата действительности, угол зрения, направленность и глубина интересов, а тем самым способность судить о чем-либо определяются его социальным происхождением. Ведь речь здесь идет о совокупности собственных переживаний, наблюдений и оценок в социально-конкретной и ограниченной среде, под воздействием которой в молодости, а стало быть, в годы наибольшей тяги к познанию формируются черты характера и мировоззрение личности.

Позднее я не однажды находил подтверждение тому, что социально-конкретный образ мыслей, я бы сказал, «окраска» мировоззрения, которую люди получают в годы детства и юности, проступает до глубокой старости. Этот жизненный опыт заставил меня позднее осознать законность подхода, который встретил со стороны Российской Коммунистической партии, а потом и везде в Советской России, законность интереса не только к социальному положению и профессиональной деятельности в настоящем, но в первую очередь, к социальному происхождению человека, о мыслях и характере которого требуется составить представление.

Когда Ленин дал мне тогда понять, что от немецкого студента он не ждет основательного знания аграрного вопроса в Баварии, я еще не понял, что тем самым вовсе не выносятся окончательное мнение о «студентах» и что речь здесь ни в коем случае не идет о том неприязненном отношении к интеллигенции, которое долгое время имело место как типичный отпечаток тред-юнионизма и в немецком рабочем движении. Смятение, вызванное в моей душе ленинским восклицанием «Ах, так!», заставило меня снова и снова возвращаться к проблеме «Рабочее движение и интеллигенция», пока я не нашел ключ для правильного решения этой проблемы в неизвестных мне до этого работах Маркса и в гениальной книге Ленина «Что делать?».

В конце нашей беседы появился проблеск, от которого уменьшилось ощущение

неловкости, овладевшее мной из-за моей некомпетентности. Ленин как бы сам подтвердил, что считает меня партийным работником среди рабочей молодежи. А я мог добавить, что знаю о его особом интересе к вопросу о молодежи: мы читали его статьи в журнале «Интернационал молодежи», который нелегально получали в последние военные месяцы, а с ноября 1918 года из Швейцарии — уже легально. Ленин это выслушал с явной заинтересованностью. Это прекрасно, ибо он считает необходимым способствовать сплочению революционных молодежных организаций разных стран. Он спросил, есть ли у меня уже связь с ЦК комсомола. В ответ на мое пояснение, что прибыл я совсем недавно и за это время успел осмотреть лишь Кремль, он пообещал связать меня с товарищами из комсомола. «Мы еще услышим друг о друге», — сказал он под конец.

Мы еще услышим друг о друге! Чем больше я думал об этих словах, возвратившись в свой «коридор придворных дам», тем меньше ощущал я неловкость. Отрезвление, которое принесла с собой беседа и которое оказалось впоследствии таким полезным, явственно превращалось в воодушевление. Теперь у меня был ответ на вопрос: «Что дальше?», который очень волновал меня. Я должен принять участие как молодежный работник в дискуссиях, а затем, вероятно, и в мероприятиях по реорганизации Интернационала молодежи, о котором мы думали также и в Германии.

Вилли Мюнценберг, многолетний секретарь Социалистического интернационала молодежи, молодой немецкий рабочий, сумевший во время войны из Швейцарии сплотить все антивоенные силы международной рабочей молодежи и тем самым спасти честь этого интернационала, в конце 1918 года переселился в Штутгарт и установил контакт с нашим немецким центром молодежи. И хотя у меня не было особого задания, я чувствовал себя, так сказать, политически вправе, даже обязанным установить связь с российским комсомолом. И кто мог быть лучшим советником, нежели Ленин, по возможным проблемам такой работы!

Запланированная встреча с центром молодежи состоялась не так скоро, как я предполагал. Небольшая простуда, которую я, вероятно, подхватил еще в пути, привела меня на несколько дней в кремлевский госпиталь. Здесь лежали преимущественно молодые красноармейцы из дежурных батальонов, по внешнему виду — крестьяне. К сожалению, я еще не настолько владел русским, чтобы общаться с ними. Я прислушивался к интонации их разговоров, наблюдал их поведение, их жесты, а во мне при этом оживало воспоминание о моих военных товарищах из полка полевой артиллерии. Эти красноармейцы были для меня первым контактом с «народом», и мы быстро подружились и могли понимать друг друга. И среди этих молодых солдат из крестьян я вновь почувствовал себя по-домашнему.

Пребывание в госпитале было недолгим. Накануне 1 Мая меня отпустили, предупредив, что мне еще надо беречься и пока оставаться в Кремле. Свою первую прогулку я совершил на следующий день к Кремлевской стене, с которой наблюдал описанное вначале майское торжество.

Но через несколько дней я совсем окреп. За мной пришли два молодых товарища, из которых один хорошо говорил по-пемецки. Мне надо было сразу же взять свои вещи. Я получил новую комнату в городе, в бывшей гостинице «Люкс» на Тверской, нынешней улице Горького. Дом позднее был оборудован под общежитие сотрудников Коммунистического Интернационала, и в последующие годы я часто в нем останавливался.

Переезд был закончен быстро. Вещей у меня было немного, и моя новая комната была почти голой. Мы тут же отправились в дорогу — к «штаб-квартире» ЦК комсомола. Она располагалась в классных помещениях бывшей «французской школы», в сыром кирпичном здании, которое еще и сейчас, снова перестроенное под школу, стоит на нынешней улице Мархлевского.

Не все секретари ЦК были на месте. Некоторые уехали на «периферию» или на фронты гражданской войны.

Гражданская война... По дороге из «Люкса» к «французской школе» я снова почувствовал то, о чем было позабыл, находясь в Кремле. Революционная Россия была вовле-

чена в новую войну; ведь я и сам вынужден был пересечь один из фронтов. Стало быть, война продолжалась. Приостановка военных действий и последовавшее гораздо позже заключение двустороннего договора с Германией не принесли стране мира, достижение которого только что созданное Советское правительство перед лицом всего человечества объявило своей первоочередной целью в знаменитом обращении по радио: «Всем, всем, всем...» И не революционное правительство было виновато в этой войне.

Вооруженное восстание в ноябре 1917 года было необходимо, чтобы провести в жизнь волю большинства съезда Советов рабочих, крестьян и солдат и свергнуть буржуазное Временное правительство, что встретило яростное сопротивление. Сам по себе коммунизм не нуждается в насилии для достижения своих целей. Его средства — пример, доказательство превосходства нового общественного строя, который интересы трудящихся и их непосредственное участие в определении своей судьбы возводит в основной принцип экономического и политического развития. Войну развязали представители прежней власти, потерпевшие полный крах в их первой попытке покончить с Советами: крупные землевладельцы, банкиры, фабриканты и генералы. Они объединились в различных местах в провинции и в пограничных областях страны, где могли опереться на остатки царских войск, не затронутые революционной пропагандой. Положение поэтому

действительно стало угрожающим, так как силы реакции получили теперь поддержку бывших союзников России — держав Антанты.

Все это, когда мы пересекали Театральную площадь, разъяснил мне Лазарь Шацкий, в то время второй секретарь комсомола.

Здесь, в сквере, прямо перед Большим театром, стоял примерно пятиметровый большой квадратный стенд. Он служил наглядной картой европейской части России с важнейшими реками, железнодорожными магистралями и городами. Стрелками и красными флажками на этой карте были отмечены ломаные линии. Они показывали положение на фронтах гражданской войны.

Когда я увидел эту карту впервые, я невольно испугался. От всей России — Сибири, других азиатских частей русской империи и южных областей вообще не было! — оставалось совсем немного. Острыми и тупыми, узкими и более широкими клиньями враг вторгался глубоко в Россию со всех четырех сторон. Мои глаза сразу же отыскивали место под Паневежисом, где на пути в Москву я перешел фронт. Этот пункт находился теперь уже довольно далеко на западе от красной линии, которая продвинулась здесь до Дюнабурга. Следовательно, Красная Армия примерно за десять дней, минувших с тех пор, отошла в этом месте еще дальше!

В последующие недели я непременно подходил к этому щиту, когда ходил по городу. На западе фронт был остановлен. На восто-

ке продвинувшийся к Волге клин стал более тупым и постепенно стягивался в прямую линию, которая отодвигалась за Урал. В один из последующих дней, думается, это было в конце июля, мы могли отпраздновать победу: город Екатеринбург (нынешний Свердловск), столица Урала, был освобожден. Белогвардейцы адмирала Колчака, у которого за спиной была вся Сибирь и которого поддерживали японцы, смогли продвинуться далеко к Москве, но были разбиты. Это поражение уже в том же году привело к краху его авантюры. Сам Колчак попал в плен и был расстрелян. К сожалению, на том гражданская война не закончилась. Контрреволюция в прибалтийских странах, на Украине и на Кавказе еще не была разгромлена, а в отдельных местах даже сумела захватить соседние области. В то время еще никто не знал, как дела будут развиваться дальше.

Мои новые друзья спешили ввести меня в курс важнейших событий революции. Конечно, гражданская война тяготела над всем, но это было не единственное, что занимало их мысли. Они были полны нового опыта, размышлений и идей и так захвачены ими, что ощущали необходимость моего в них участия. С этим у них было немало хлопот. Потому что многое, я бы хотел сказать — чуть ли не все, что мне теперь доводилось видеть и слышать, было для меня совершенно новым, и разобраться во всем было нелегко. При этом речь шла как о мелких, текущих, так и о больших, принципиальных вопросах.

Так, например, я спросил, когда мы бродили по улицам, почему нет лавок. Сразу же по пути с вокзала в гостиницу «Метрополь» после нашего приезда мне бросилось в глаза, что витрины магазинов забиты досками. Нам пришлось, кстати, идти по городу пешком — это примерно четыре километра. Трамваи не ходили: было пасхальное воскресенье, никто не работал, извозчиков тоже не было видно. Но магазины были заколочены, видимо, не только «на праздники», но и на длительный срок. Теперь я получил объяснение этому неожиданному факту. Я впервые услышал слова «военный коммунизм» и узнал, что это значит.

Чтобы первым делом обеспечить победу в гражданской войне, необходимо было учесть все имеющиеся в наличии товары промышленного и сельскохозяйственного производства и, в первую очередь, использовать их для обеспечения промышленных центров и армии. Свободная торговля была полностью приостановлена, а товарные склады конфискованы. Все действующие предприятия были централизованы и скооперированы. Распределение товаров потребления происходило в зависимости от запросов и нужд населения. Продукты питания подлежали строгому распределению. Некоторые товары широкого потребления распределялись по решению соответствующих фабричных и производственных комитетов, в которых можно было получить карточки. Такие карточки и я получил в Кремле и по ним приобрел пальто и ботинки.

Вот, стало быть, почему магазины были заколочены. Но во время первых прогулок по улицам я заметил и нечто другое. В центре города и ряде рабочих кварталов стояли недавно установленные, изготовленные большей частью из гипса памятники выдающимся деятелям русской и мировой культуры, внесшим значительный вклад в дело прогресса. На многих домах были также появившиеся недавно плакаты, которые либо пропагандировали крупными буквами идеи социализма, либо изображали сцены из освободительной борьбы. Все эти памятники и рельефы выделялись на уличном фоне и поэтому были особенно действенны. Я узнал, что эта «монументальная пропаганда», как тогда говорили, тоже создавалась по почину Ленина. Так была сделана первая попытка привлечь мастеров искусства к непосредственному участию в распространении социалистического мировоззрения. Своими произведениями они должны были способствовать распространению идей социализма и довести до сознания народа не только нынешнюю освободительную борьбу, но также и ее долгую предысторию. Я впервые познакомился с основными положениями социалистической культурной революции, которыми впоследствии постоянно занимался. И я теперь могу прямо сказать, что этот опыт сыграл большую роль в работе нашей Германской коммунистической партии. В частности, для меня явился уроком тот факт, что Коммунистическая партия уже в период борьбы за

власть должна была обратить внимание на то, чтобы открыть массам трудового народа доступ к культуре, к великим прогрессивным традициям.

Так я во время своей первой прогулки по городу столкнулся со многим новым для себя, и, прежде чем мы заговорили о том, ради чего Ленин связал нас друг с другом, между нами пошли оживленные беседы. И так продолжалось все последующие недели и месяцы.

Юноши и девушки из ЦК комсомола, с которыми я теперь встречался почти ежедневно, были различны по характерам, имели разные интересы и образование. Но они хорошо дополняли друг друга и создавали великолепный коллектив.

Среди них был первый секретарь ЦК Петр Смородин, молодой рабочий из Петрограда, Лазарь Шацкин, ведавший международным отделом, преемник Шацкина по руководству московской организацией Яков Цейтлин и многие другие.

Александр Шохин лучше других знал деревню и положение крестьянской молодежи. Уже тогда он занимался вопросами школьного обучения деревенской молодежи, которое при царизме было полностью заброшено, а во время войны и вовсе прекратилось.

Среди сотрудников ЦК, с которыми мне приходилось иметь дело в последующие месяцы, были две девушки: Римма Юровская, секретарь ЦК, и Елена Королева — обе родом с Урала.

Лена, маленькая, миловидная и живая девушка из рабочей семьи, была самой романтичной среди нас. Она вынуждена была покинуть Екатеринбург, где была секретарем областного комитета, когда войска адмирала Колчака подошли к городу, и была вызвана в Москву. В ЦК у нее не было твердых обязанностей, и она имела возможность много читать и писать. Писала она и стихи, в чем однажды призналась мне. Так как у нее было больше времени, чем у других, она могла уделять мне много досуга. Наши длительные прогулки по улицам Москвы, особенно вдоль Москвы-реки у Кремлевской стены, незабываемы для меня.

Когда мы познакомились, она так же мало знала немецкий язык, как я русский. Но мы быстро научились друг от друга, и к осени я владел русским настолько, что мы, как говорится, могли беседовать «о чем душе угодно». С ней я мог поделиться кое-какими переживаниями и мыслями из моего немецкого прошлого, которые не имели никакого отношения к моей революционной деятельности, но все еще дожимали меня, особенно мировоззренческие и педагогические вопросы. Елена в то время была очень дружна с Шацкиным, и выходило, что мы часто бывали втроем. Эти два молодых коммуниста из числа близких мне людей в первые три месяца моего пребывания в Москве открыли мне доступ к пониманию русской революции и, прежде всего, ввели меня глубже в мир идей Ленина.

Три месяца — срок короткий. В моих воспоминаниях, однако, то время — с начала мая до начала августа 1919 года — маленькая вечность. Я не знаю даже, как все то, что происходило со мной и во мне, могло вместиться в эти недели. Ежедневно, почти ежечасно на меня обрушивались все новые и новые впечатления и, прежде всего, неожиданные открытия. В то время принимались решения, о которых до тех пор я и подумать бы не мог. Они повернули мой жизненный путь по новому курсу и определили всю мою дальнейшую судьбу. Побудил к этому снова Ленин, на этот раз лично.

Когда Ленин проводил меня после нашей беседы в приемную, я услышал, как он дал указание секретарю, товарищу Фотиевой. Он разъяснил мне, что сообщил обо мне в ЦК комсомола. Я должен как можно скорее связаться с молодыми товарищами, предстоит решать важные вопросы.

Через несколько дней я понял, о чем шла речь. Ленин уже в середине марта, в связи с образованием Коммунистического Интернационала, узнал от представителя КПГ товарища Гуго Эберлейна, что в Германии проходит подготовка к созыву Международного конгресса молодежи. Я мог дополнить эти сведения. В то же время в связи с майскими празднествами из Будапешта в качестве представителя Венгерского советского правительства и ЦК Коммунистической партии Венгрии в Москву прибыл народный комиссар обороны Тибор Самуэли, прежний участ-

ник молодежного движения. Здесь, в Москве, находились, кроме того, секретари литовского и белорусского союзов молодежи, один из которых, представитель Литвы Виктор Грейфенбергер, позднее сыграл важную роль в международном молодежном движении.

Теперь я узнал от Шацкого, что Ленин явился инициатором встречи представителей молодежи. Еще в первой половине мая мы впервые встретились вчетвером (Шацкий, Самуэли, Грейфенбергер и я) для обсуждения перспектив международного молодежного движения. Самуэли сообщил нам, что партия и правительство Венгерской советской республики готовы провести Международный конгресс молодежи в Будапеште. Разногласия были по поводу того, какие союзы должны быть приглашены. Наши колебания были вызваны тем, что, с одной стороны, существовали союзы, которые во время войны остались верными интернационалу и принимали участие в мероприятиях, проводимых цюрихским международным секретариатом, а с другой стороны, многие приняли теперь программу вновь образованного III Интернационала.

Вскоре после этого обмена мнениями мы узнали, что Ленин хочет видеть Лазаря Шацкого и меня, чтобы обсудить проект образования Интернационала молодежи. Эта беседа продолжалась недолго, но имела огромное политическое значение. Прежде всего для меня лично она снова явилась импуль-

сом для важнейшего политического открытия.

Ленин одобрил наши организационные предложения, но затем остановился на политическом содержании и политической цели запланированного съезда. Кратко охарактеризовав различные течения в международном рабочем движении, Ленин объяснил нам, в чем суть в настоящий момент: различные группировки внутри рабочего движения попытаются оказать влияние на молодежное движение. Буржуазные правительства будут способствовать активизации правых молодежных организаций и реформистских течений среди рабочей молодежи. При средствах, которые имеются в распоряжении правительства и руководства правой социал-демократии и профсоюзов, опасность реформистского уклона у молодежи и ее союзов гораздо больше, чем в партиях. Поэтому мы должны как можно быстрее объединить наиболее зрелые политические и готовые к действию союзы молодежи, которые затем присоединятся к III Интернационалу и бесповоротно встанут на его позиции.

Тем самым Ленин дал ответ на вопрос, который долго меня занимал. Я приветствовал образование III Интернационала как объединение всех действительно революционных сил в мире. При этом «раскол», который так наглядно демонстрировало основание собственных коммунистических партий и их интернационалов, я воспринял как неизбежный факт. Но я находился в затрудни-

тельном положении, когда защищал этот «раскол» в наших острых политических дебатах от инакомыслящих.

То немногое, что Ленин сказал по этому поводу, подводя итоги прежним высказываниям, вновь меня озаорило как молнией. Он вспомнил про август 1914 года. Тогда правая группировка, бывшая в руководстве почти всех социал-демократических партий, заключила классовый мир с собственной буржуазией и направила своих членов на войну за антинародные, милитаристские цели. Вот что является расколом рабочего движения!

Мне снова пришлось вспомнить о той страшной картине: красная зона выжженной земли, прорезающая Европу с севера на юг. Да, это был раскол. Как можно было еще говорить о единстве рабочего движения, если руководство рабочих партий в разных странах призывает своих членов стрелять на фронтах друг в друга!

Но рабочему классу необходимо единство, говорил Ленин, без этого ему не победить. А недавний опыт как раз показывает, что невозможно никакое прочное единство, если классовым интересам рабочего класса предпочитают буржуазные, националистические интересы. Только на последовательно революционной платформе, которая ставит перед рабочим классом всего мира одинаковые цели, возможно единство. Борьба за него, установить его было целью III Интернационала. Необходимо, чтобы это стало целью и молодежных организаций. Поэтому

для нового Интернационала Молодежи имелось лишь одно решение: он должен быть Коммунистическим Интернационалом Молодежи, состоящим из союзов рабочей молодежи, которые принимают программу III Интернационала.

В долгих политических сражениях последующих лет я вновь и вновь убеждался, насколько важна эта простая и ясная мысль для будущего рабочего движения и социализма. И сознание этого помогало мне также доказывать во многих беседах с гражданами нашей республики, и прежде всего молодыми людьми, историческое значение первого немецкого государства — ГДР. Не мы были раскольниками в Германии. Наша страна была расколота в тот момент, когда западногерманская буржуазия возвратилась к своей экспансионистской и ревизионистской политике и на жизнь и на смерть связала себя с американской реакцией, причем ее поддерживали правые социал-демократические руководители. На этой основе не может существовать никакое содействующее прогрессу объединение Германии. Лишь на основе, созданной в нашей республике, оба германских государства могут объединиться так, чтобы была исключена всякая возможность новой войны с новыми страданиями и лишениями народных масс и чтобы Германия вернулась в семью свободных народов как миролюбивое государство.

То новое, что открылось мне в ленинском изложении наших задач, было совсем неужи-

данно дополнено вопросом Ленина, из ответа на который и сложился тот уже упомянутый поворотный момент в моей жизни.

Ленин предложил сначала создать комиссию, которая должна будет еще раз рассмотреть этот вопрос. Ее задачей будет также разработка здесь, в Москве, проектов основных документов нового Интернационала (программа и устав), которые должны быть предложены конгрессу. Он порекомендовал привлечь к работе этой комиссии тогдашнего народного комиссара по иностранным делам товарища Чичерина; он был раньше активистом молодежного рабочего движения и по сей день интересуется его делами. Он мог бы стать председателем комиссии. И Секретариату Коммунистического Интернационала тоже необходимо послать своего представителя в комиссию. От молодежного центра должны принять участие товарищи Шацкин, Грейфенбергер и я. И тут Ленин обратился ко мне с вопросом, сколько я еще здесь пробуду и согласен ли сотрудничать в комиссии, и хотел ли бы я поехать на предполагаемый конгресс.

Опять, как еще совсем недавно, на языке вертелось: «Что за вопрос!» Давно ли это было, что мои немецкие друзья спросили меня, хочу ли я отправиться к Ленину, а теперь вдруг речь зашла о поездке *для* Ленина, для передачи его мыслей и предложений!

Я снова, не раздумывая, согласился. Только в последующие дни мне стало ясно, что

я взял на себя, какое доверие мне было оказано.

Я не только почувствовал, что требования, предъявляемые ко мне, очень высоки, но и что я не дорос до них. От меня здесь требовалось или ожидалось нечто такое, чего я не способен был выполнить. Я ведь имел представление о своих марксистских познаниях и своем политическом опыте! Как раз именно теперь, после беседы с Лениным и товарищами из ЦК комсомола, я понял, что подготовлен недостаточно. А теперь я должен участвовать в совещаниях и принимать решения, от которых, возможно, зависит дальнейший ход рабочего движения! Насколько это действительно было так, я в то время не мог даже предположить. Имя тем молодым коммунистам, которые с честью выстояли в тяжелых битвах минувшего полувека и которые являются героями и мучениками антифашистской борьбы, — имя им легион. И сегодня на руководящих постах в социалистических странах, в коммунистических и рабочих партиях я вижу мужчин и женщин, которые в ранней молодости стали политически образованными, выковали характер в организации, программу и устав которой нам предстояло здесь выработать.

Так далеко в те времена мое воображение заглянуть не могло. Однако уже было чувство ответственности перед грандиозными задачами.

Я думаю, мои молодые читатели уже заметили или еще заметят, что и ныне дело

обстоит не иначе, во всяком случае если находишься на передовых рубежах исторического развития. Социализм развивается чрезвычайно быстро. То новое, что он внес в жизнь человечества и постоянно вносит, одолевает в наших странах старое. А это означает новые проблемы и задачи, требующие от нас безотлагательных решений. И в этом смысле «недостаточная подготовленность» — судьба каждого из нас, совсем как тогда, пятьдесят лет назад. Поначалу чувствуешь, как правило, что не дорос до уровня поставленных перед тобой задач. А это отнюдь не приятное чувство.

Но опыт показывает: в этом конфликте между долгом и возможностью мы формируемся, и подчеркиваю — только в нем! Конечно, случается, что кто-то не справится с грузом трудно преодолимых препятствий. Но гораздо чаще через какое-то время оказываешься на высоте положения, вырастаешь на целую голову, на которую первоначально и не дорос, а затем перерастаешь и это. Древняя мудрость стоиков, о которой Шиллер говорит: «Человек вырастает вместе со своими целями», заключает это в себе и особенно созвучна с периодами подъема человечества к новым высотам, какой мы переживаем в наше время, ставя перед собой все более и более значительные цели.

В работе комиссии, которая собралась вскоре после встречи с Лениным, я быстро заметил, что мои опасения неоснованны. Группа по составу — лучше не придумаешь.

У каждого из нас был свой опыт, и мы отлично дополняли друг друга. Товарищ Чичерин был уже в начале века одним из ведущих организаторов европейской рабочей молодежи. Будучи теперь народным комиссаром по иностранным делам, он, как и Ленин, отлично информирован в международных отношениях. Товарищ Клингер помогал Ленину уже при подготовке I конгресса Коммунистического Интернационала, который состоялся в Москве в марте 1919 года, и был затем активным участником этого конгресса. Как один из секретарей Исполнительного комитета Коминтерна, он был точно информирован о различных течениях и направлениях международного рабочего движения. Товарищи Шацкий и Грейфенбергер привнесли опыт участия революционных молодежных организаций в борьбе за власть и в решение молодежных проблем после взятия власти. Что же касается меня, то никто из членов комиссии так хорошо не знал положение и главные направления западноевропейского молодежного движения, как я; мои сведения устарели лишь на месяц, который я провел в дороге. Кроме того, никто не знал так точно план и подготовительную работу прежнего Секретариата Интернационала Молодежи, который ведь тоже готовил международный конгресс. Таким образом, я сразу почувствовал, что могу быть полезен. При этом я быстро ощутил преимущество подлинно коллективной работы.

В Мюнхене я выполнял свои первые «го-

сударственные обязанности» в качестве цензора телеграфного агентства в полном одиночестве, по собственному усмотрению. И в руководстве местной мюнхенской организации у меня было мало поддержки со стороны других членов этого руководства, молодых рабочих и студентов, и дела я решал в основном единолично. Теперь же было настоящее сотрудничество, где каждому было что дать и что взять. Я много получил и почувствовал, что основательно поумнел, осознал свое вживание в большое дело.

Но это был результат не только заседаний комиссии. Разумеется, они были опорой в моей деятельности в эту неделю, а мое сознание быстро обогатилось опытом и доводами других членов комиссии. В это же время я продолжал получать от московского бюро Коммунистического Интернационала небольшие или побольше работы для перевода, при этом я прежде всего познакомился с некоторыми прежними работами Ленина. Все это рождало множество стимулов, вопросов и проблем. Они составляли основу для бесконечных бесед, которые я, часто до глубокой ночи, вел с моими новыми молодыми друзьями. Они делились со мной своими впечатлениями от грандиозных событий, причем все было проникнуто воздействием встреч с Лениным или связанных с этими конкретными событиями работ Ленина. Эти разговоры были третьим значительным источником нового опыта, который я тогда приобрел, и в памяти они оставили самый свежий след. Но

об этом я скажу позже. А теперь о работе комиссии.

До того как мы впервые собрались, все детали — вероятно, по инициативе Ленина — были обсуждены на Исполнительном комитете Коммунистического Интернационала. Во всяком случае, в мае 1919 года в московской «Правде» появилось обращение Исполкома Коминтерна к международному рабочему движению с призывом создать Коммунистический Интернационал Молодежи. Тем самым было положено начало борьбе за осуществление ленинских идей о развитии рабочего молодежного движения.

С Тибором Самуэли — перед его возвращением на родину — мы договорились, что Венгерский союз молодежи пошлет приглашения на международный съезд, который состоится в конце августа в Будапеште. И еще до образования нашей комиссии мы пришли к соглашению, что будут приглашены те союзы молодежи, которые в свое время приняли радикальную программу Берлинской международной конференции молодежи 1915 года, участвовали в совместных выступлениях против войны или по-другому доказали свою добрую волю к проведению в жизнь революционной программы, которую во время войны выработало в Швейцарии руководство уцелевшего социалистического интернационала молодежи и разослало союзам.

Летом в Москве состоялось несколько заседаний нашей комиссии. К середине июля

были разработаны проект программы и предложения по уставу новой организации.

Вступление программы раскрывало международное положение с позиций Коммунистического Интернационала и определяло ближайшие задачи международного рабочего класса. Участие рабочей молодежи в этой борьбе определялось, с одной стороны, ее классовой принадлежностью, а с другой стороны, возросшей эксплуатацией, которой подвергается молодежь при капитализме. Политическая агитация, организованное участие в выступлениях рабочего класса и воспитание молодежи для таких действий ставились как важнейшие задачи союзов молодежи. Тем самым на первое место выдвигался их боевой характер в противовес чисто воспитательным задачам, которыми социал-демократия хотела ограничить роль молодежных организаций. Это означало создание революционных организаций молодежи нового типа. Особый раздел характеризовал различные течения и программы в рабочем движении, с которыми у молодежи не могло быть никаких общих действий и никаких компромиссов. Проект программы осуждал всякий либеральный пацифизм и ратовал за решительную борьбу против милитаризма, а в случае войны — за выступление против собственных буржуазных правительств.

Наша программа содержала заключительный тезис, которого не было в программе Интернационала. Он определял задачи,

которые предстоит решать коммунистическим организациям рабочей молодежи в социалистическом государстве после завоевания власти пролетариатом. Важнейшим пунктом программы было требование «социалистической перестройки работы среди молодежи». В этом пункте пересекались как экономические, так и воспитательные проблемы и задачи молодежи. Эти вопросы неоднократно обсуждались на основе первого практического опыта революции в ЦК комсомола, и мы знали, что этот взгляд разделяет Ленин.

Для меня эта часть программы и обсуждение ее были важнейшими во всей работе комиссии. В Германии, где еще делались первые шаги к завоеванию политической власти, такие вопросы просто не могли возникнуть. То, что программа международного рабочего движения излагала подобные задачи, означало, что союзы международного рабочего движения России и Венгрии впервые в истории практически были поставлены перед этими проблемами самой жизнью. Включение этих вопросов в программу давало задуманной новой международной организации гораздо более значительные перспективы, чем те, что были у нас раньше.

Для меня все эти вопросы должны были стать источником важного познания. Обсуждение их в комиссии продолжалось и после заседаний — в долгих разговорах с Шацкиным, в итоге которых снова наступал такой

перелом, который давал взглядам новое направление.

Еще перед войной, а затем в «вестендский период» моего пребывания в Берлине, летом 1917 года я интенсивно занимался вопросами воспитания. Выйдя из левого, серьезно относившегося к культуре крыла буржуазного молодежного движения предвоенного времени, я познакомился с идеями так называемой «Свободной школьной общины» и ее создателя, видного прогрессивного педагога Густава Винекена. Отправным пунктом этих идей было «самовоспитание молодежи». Молодые люди четырнадцати — девятнадцати лет должны были воспитываться в государственных учреждениях вне обычных условий, для более высоких общественных целей. Демократический принцип в форме «школьной общины» обеспечивал активное участие молодежи в процессе взаимного воспитания. Наряду с филологическими и естественными науками история и философия, труд и искусство играли также большую роль, причем особое внимание обращалось на нравственное и физическое воспитание личности. Эта программа педагогических реформ определила мои представления о воспитании молодежи задолго до моего присоединения к рабочему молодежному движению.

Когда наша комиссия, обсудив «задачи после завоевания власти», перешла к вопросам воспитания, я высказал свои взгляды. Сперва я был несколько обескуражен, столк-

нувшись с единодушным несогласием с нами. Это несогласие я отнес за счет непонимания самих идей. Как Чичерин и Клингер, так и прежде всего Шацкий и Грейфенбергер придерживались совсем других взглядов. Вскоре я заметил, что мы говорим о разных вещах. Более того, в основе рассуждений товарищей лежали совсем другие теоретические предпосылки и, разумеется, иной, неизвестный мне опыт. Предложения, которые чаще других выдвигал Шацкий и которые затем с некоторыми поправками были включены в программу, нашли такое единодушное одобрение, что я молчал.

Лишь в вечернем разговоре я снова вернулся к этой теме. Из глубочайшего убеждения я продолжал отстаивать мою «школьную общину». В розовых тонах я рисовал картину жизни в школьной общине в Вилкерсдорфе, где Густав Винккен основал свою школу. Хотя я никогда не учился там, но, познакомившись с идеями Винкена, а затем и с ним лично, я часто бывал в Вилкерсдорфе.

Шацкий слушал все это спокойно и лишь иногда усмехался, когда я, отвечая на его вопросы, отбивался уж очень рьяно. А затем последовала его сокрушительная отповедь. Все, о чем я рассказал, прекрасно. Но это, как можно представить по моим словам, не что иное, как воспитание элиты. Даже если в этих школьных общинах с точки зрения педагогики все в порядке (в чем он лично сомневается), тут нечего использовать для ре-

шения проблемы воспитания народа, для образования молодежи трудящихся масс. И для общества это просто дорого обойдется, во всяком случае в настоящее время и еще долгое время в будущем. Да и охватить этим всю нынешнюю массу молодежи просто невысказимо.

Разговор был долгий. При этом я получил возможность познакомиться с биографией и самого Лазаря. Он ведь происходил из мелкобуржуазной среды и сам учился в гимназии. И ему также пришлось коренным образом переучиваться. Социалистическое государство имеет дело не с относительно небольшой прослойкой молодежи из имущих или образованных кругов, а с сотнями тысяч молодых рабочих, с миллионами крестьянских парней и девушек, родители которых росли безграмотными, в стороне от всякой культуры.

После бедствий мировой войны, после революционных сражений, а теперь еще перед лицом гражданской войны стране угрожает кризис. Увеличение производства, повышение производительности труда были и остаются главной задачей социалистического строительства. Этот курс чрезвычайно тяжело выдерживать в условиях гражданской войны. Страна не может обойтись без участия молодежи в производстве. А значительную часть вынуждены снова направить на фронт, в Красную Армию для защиты революции. Советское правительство сразу открыло двери школ для всех, но рабочая мо-

лодежь не приходила. То, что ей предлагалось, было ей чуждо. Но прежде всего родители не пускали в школу потому, что дети должны были прирабатывать для семьи. Такова была действительность в данный момент. Так можно ли тут говорить о школьной общине?

Но все это не только следствие чрезвычайного положения и практической необходимости. Дело в педагогических принципах. Даже когда будет восстановлен мир и нормальная жизнь войдет в свою колею, должно быть найдено решение для школы миллионов. Теория социализма давно разработала основные принципы воспитания молодежи. Ядром теории была связь воспитания с трудом, и это отражено теперь в проекте программы. Ленин не раз указывал на это, а его жена, Надежда Крупская, отстаивала эти мысли еще до революции. А известно ли мне, что писал об этом Маркс в «Капитале»?.. Нет, этого я не знал.

Я чувствовал, что мне не уйти от этих аргументов, но не хотел признать себя побежденным. И хотя я защищал «Свободные школьные общины» уже не так рьяно и менее убежденно, я все-таки пытался сохранить их значение как особой формы хотя бы для воспитания элиты. Хорошенькое дело! Тут Лазарь вышел из себя, он набросился на то, что называл моей интеллигентской рассудочностью. Две недели тому назад Ленин в своем выступлении обрушился как раз на такие интеллигентские заскоки. Таких лю-

дей в буржуазной интеллигенции в избытке, говорил Ленин. Они стремятся школы для рабочих и крестьян сделать ареной своих бредовых фантазий, свои глупейшие философские выверты выдать за нечто совершенно новое, они затрудняют жизнь большевикам! Но затем Лазарь поостыл и снова стал рассказывать о себе.

Он тоже, еще когда вел политическую агитацию среди гимназистов, начинал с подобной, как он довольно грубо заметил, «идеалистической чуши».

Общение с его нынешними друзьями из рабочих, которые между тем поставили на ноги такую великолепную организацию рабочей молодежи и повели ее на борьбу, убедило его в том, насколько далеки его «революционные» идеи от действительности. Мир предстает иным, если на него смотришь глазами рабочего человека, глазами человека, который стремится покончить с самой гнетущей нуждой. Но это была как раз та точка зрения, на которую его поставил Ленин благодаря своей реалистической и всегда исключительно научно обоснованной политике.

Беседы эти глубоко меня взволновали. Как я ни крутил, Лазарь Шацкий был прав. Но что же, просто признать, что я неправ? Это означало бы, что мне необходимо пересмотреть весь свой образ мыслей! Может, это необходимо? Я вспомнил о своем пламенном воззвании против «буржуазного духа», о своих высказываниях против интел-

лектуальных ублютков и высокомерии студентов, которым я противопоставлял мое «единение с народом», обретенное на фронте, а затем принимая участие в нелегальном движении рабочей молодежи. Возможно, я все-таки не продумал все до конца?

Идея классовой борьбы захватила меня. Я начал понимать ее значение для многих проблем общества и делал отсюда практические выводы. То, что Лазарь Шацкий рассказал о себе, заставило меня признать, что мне необходим пересмотр идейных позиций, занятых в силу происхождения и воспитания. Я перестал доверять собственным мыслям, постоянно подмечал их случайные и субъективные истоки и искал у великих мыслителей твердую почву для моих собственных суждений.

Одно, во всяком случае, я понял: однажды сделанного открытия, что идею классовой борьбы необходимо довести до конца, до признания диктатуры пролетариата, еще недостаточно. Эта идея была чрезвычайно важна для ответа на основной вопрос: как политически должен осуществляться переход от прежней общественной формации к новой? Но ее недостает для правильного решения проблем, которые встают после захвата власти и с железной необходимостью требуют от социалиста реалистического решения. Уже однажды постигнутой основной мысли: кто хочет решить ближайшие задачи человечества, должен на первое место ставить интересы рабочего класса и подчи-

нять им все другие, в том числе в области культуры и искусства,—ее в этой общей формулировке было недостаточно.

Путь к освобождению человечества лежал в истинно всеохватывающем освобождении пролетариата от эксплуатации и в его возвращении в общество как не только полноправного члена, но и как ведущей силы, чьи власть и право теоретически обоснованы и гарантированы. Потребовалось некоторое время, пока споры о воспитании подвели меня к этому итогу, к этим открытиям. Собственно, я обнаружил, что обо всем этом я уже читал, или слышал, или, может быть, уже знал. Но лишь теперь это познание стало для меня органичным. У меня было чувство, что только теперь я нашел правильный путь в жизни. Мир для меня преобразился. Окончательно.

ВЕЛИКИЙ УЧИТЕЛЬ

Тогда я еще не мог распознать, что это опять-таки был Ленин, говоривший со мной устами моих молодых друзей. Вскоре мне выпал случай убедиться в этом.

Что послужило поводом, теперь не помню. Возможно, это была речь Ленина о внешкольном обучении, произнесенная им 19 мая, в которой он затронул событие годичной давности — заключение мира с Германией в Бресте. Во всяком случае, Шацкий как-то завел разговор о партийной дисцип-

лине и упомянул при этом Брестский мир и ленинскую позицию по этому вопросу внутри партии и в государственной политике.

Конечно, я слышал в Германии о Брестском мире. Это было в феврале — марте 1918 года, когда я был домашним учителем в Рюссене под Лейпцигом. Сторонники войны в Германии использовали временную военную слабость России, вызванную революцией, чтобы навязать Советскому государству несправедливый мир. Левые, и прежде всего спартаковцы, яростно протестовали против него. Этот протест выражался в демонстрациях, которые прошли в Германии и Австрии, в забастовках в январе 1918 года. О событиях, происходивших тогда в России, мы не знали. Следовательно, я не мог представить себе, какое отношение имеет Брестский мир к партийной дисциплине. Шацкий с неожиданной готовностью взялся объяснить мне это. Вскоре я не мог не заметить, что ему хотелось поведать мне, что он тогда пережил. Прошел уже год, но волнение, даже запальчивость, с которой мой друг рассказывал о тех событиях, говорили о том, что он их глубоко пережил.

Что же произошло, что потрясло его так сильно?

3 марта 1918 года делегация Совета Народных Комиссаров, как в то время называлось Советское правительство, подписала в Бресте, в ставке «Восток» кайзеровских армий, от имени правительства мирный договор с Германией. Договор был грабитель-

ским. Молодое Советское государство лишалось очень важных районов на западе и юге страны. Они должны были перейти Германии. К тому же Советское правительство обязывалось выплатить золотом 6 миллиардов марок в качестве «возмещения военных убытков».

И этот позорный мир был принят по твердому настоянию Ленина. Больше месяца Ленин боролся за безоговорочное его подписание. За это время он смог получить во всех руководящих органах поддержку лишь меньшинства. Постоянное откладывание решения с каждым днем ухудшало положение советской стороны. Ленин учитывал и это.

Положение обострилось с того времени, как германские представители настояли на диктуемых ими условиях во время мирных переговоров, проходивших с декабря 1917 года до января 1918 года. Кайзеровское правительство чувствовало себя «на коне». Оно оккупировало значительные районы на западе России и на юге, почти до Кавказа, и среди них столь важную как для сельского хозяйства, так и для промышленности Украину. Германские правящие круги знали военную слабость молодой Республики Советов. Когда кайзеровские власти заметили, что представители противной стороны не могут прийти ни к какому решению, они увеличили свои территориальные притязания. Наконец 10 февраля был предъявлен ультиматум — после истечения его срока Германия намеревалась возобновить воен-

ные действия. На что должно было решиться Советское правительство? Резкий спор, разгоревшийся по этому поводу, не способствовал выработке четкой позиции советской делегации на переговорах.

В рассказе Лазаря еще чувствовалось возбуждение тех разногласий. Он сам, как и многие молодые коммунисты в то время, был среди тех, кто решительно отклонял ленинские предложения. Он и теперь мог бы на память перечислить все аргументы оппозиции. Впрочем, и в ней не было единства. Против Ленина выдвигались две точки зрения. Одну представлял Троцкий: ничего не подписывать, ничего не предпринимать — ни войны, ни мира! Пусть немцы нападут на слабые, изнуренные, не оказывающие сопротивления войска. Возмущение пройдет по миру, в Европе разразится гражданская война, а в самой Германии победит партия Либкнехта. Другую точку зрения представлял прежде всего Бухарин. Его лозунг — революционная война против германского империализма! Воззвать к народу, поднять лучшие силы рабочего класса, принять бой. В тылу германских армий начнутся забастовки и беспорядки. А в это время весь русский народ поддержит армию революции. А если все же не хватит сил разбить империалистов, то лучше честно погибнуть, чем с позором сдаться.

Шацкий признался, что он, как и многие другие молодые товарищи в руководстве, за исключением Смородина и Рывкина, был за

«революционную войну» и «спасение чести революции». Это, вероятно, были напряженные недели, в которые Ленин от совещания к совещанию, от заседания к заседанию отстаивал свое мнение о необходимости немедленно, без проволочек принять немецкие условия и подписать мир. Из-за долгих дискуссий уходит драгоценное время. Не получив ответа на ультиматум, германские войска 18 февраля перешли в наступление. И произошло самое страшное: русские войска без боя сдавали позиции и беспорядочно отступали.

В первый же день германским войскам удалось на северном фронте захватить город Дюнабург — важную ключевую позицию, которая открывала путь на Петроград, где в то время еще находилось Советское правительство. Только после того как немедленно образованные отряды рабочих Петрограда и других городов были брошены на фронт, наступление здесь было приостановлено. Но на юге германские войска заняли всю Украину до Дона. А в мире так и не разразилась «буря возмущения», и растущее антивоенное движение в Германии никак не изменило политику правительства. Это походило скорее на «гибель с честью»!

А в Совете Народных Комиссаров все еще не пришли к четкому решению, так как у Ленина в ЦК не было большинства. Но перед фактом последних событий Шацкий, так он рассказывал, заколебался и начал поддаваться доводам Ленина. Он подробно

рассказывал об этом, и его рассказ, содержанием которого прежде всего были доводы Ленина, стал для меня новым большим уроком.

Против всех рассуждений «левых коммунистов», как называло себя оппозиционное течение, у Ленина был простой и убедительный аргумент: реальность! Боеспособной армии не было. Крестьяне, составлявшие подавляющее большинство фронтовых частей, не хотели воевать. Они рвались домой, чтобы получить землю, которую дала им революция. Войной они были сыты по горло. «Мировая революция», коммунизм не были для них осязаемой целью, за которую стоило воевать. Для «всеобщего подъема народа», как во время французской революции или германских освободительных войн, недоставало предпосылок. Возобновление войны в условиях, когда небоеспособным войскам противостояли вооруженные до зубов, четко управляемые части, лишь в очень незначительной степени, да и то глубоко в тылу, подверженные революционным настроениям, должно было в кратчайший срок привести к поражению России. Военное поражение в такой обстановке означало бы усиление всех контрреволюционных сил и вероятность свержения Советского правительства.

Победить германские войска и справиться с другими нападениями на молодую Советскую республику было возможно. Но для этого нужна была передышка, чтобы нала-

дить в стране экономику и создать революционную армию с надежными кадрами. Это стало теперь главной задачей.

Ленин последовательно опровергал аргументы своих противников, которые утверждали, что немедленное заключение мира с Германией позволит кайзеровскому правительству отвести войска с восточного фронта на запад и бросить их против Антанты; это значило бы усилить германский империализм. Вести «революционную войну» и связать германские войска на восточном фронте, возражал Ленин, означает усиление Антанты, которая и без того обладает перевесом на западе. И то и другое на руку империалистам. Следует понять, говорил тогда Ленин, что подлинно свободная и самостоятельная политика в международном масштабе возможна лишь тогда, когда мировой империализм будет уничтожен. А до тех пор любое взаимное ослабление империалистических государств в конечном счете способствует делу революции.

И тут следовал второй, основной, довод. Он прежде всего сводился к тому, чтобы удержать Советскую власть, пусть даже на незначительной территории. Социалистическая революция достаточно сильна, чтобы возратить все, что будет отдано. Легкомысленным допущением военного поражения поставить на карту само существование первого социалистического государства равнозначно преступлению против человечества.

Позднее я прочитал многие речи, произнесенные Лениным в течение шести недель по этому поводу, и статьи, написанные им тогда. Знаком я и со статьями и речами его противников. Сегодня навряд ли можно представить себе, как трудно было Ленину отстаивать свою точку зрения. Но и тогда я увидел, что его реалистическое мышление было единственно правильным: непременно трезвая оценка соотношения сил в мире и одновременно восприятие социалистической революции как важнейшего практического процесса, совершаемого живыми людьми на конкретной территории, в конкретных обстоятельствах. Это рассмотрение социализма как факта объективной действительности нашего времени тоже было для меня открытием. Позднее я всегда пытался, размышляя над крупными и малыми проблемами социализма, быть свободным от идеализма и фразерства, рассматривать проблемы в их взаимосвязи с конкретной исторической обстановкой.

Но самое сильное впечатление произвел на меня тогда в рассказе Шацкого вопрос о партийной дисциплине.

Я уже сказал, что Шацкий почти до самого заключения мира был сторонником лозунга «революционной войны» и лишь в конце, когда кайзеровские армии приставили революции нож к горлу, стал поддаваться ленинским аргументам. Полностью понять и принять их он в то время еще не сумел, и, следовательно, все, о чем он

рассказывал, было предназначено для меня.

Когда доводы Ленина окончательно нашли полную поддержку в Центральном Комитете и мирный договор был подписан, необходимо было, чтобы в правильности этого решения убедилась вся партия, до последнего ее члена. Ибо от этого зависело, можно ли сконцентрировать все силы страны на больших задачах, которые вытекали из новой ситуации. И не только члены партии, но, по возможности, и все граждане республики должны были убедиться в правильности решения.

Шацкий рассказал, что после того как решение было принято, он был готов отказаться от своих сомнений, все еще имевшихся у него по ряду вопросов, и ни на партийных собраниях, ни в публичных выступлениях не высказываться против решения. Но тут он получил важный урок: этого недостаточно. Каждый член партии был обязан сознательно выступить за это решение и, пользуясь убедительными доказательствами, повсюду его отстаивать. Действовать так, все поняв до конца, признался он мне, сначала было нелегко. Но он подчинился. Он еще раз изучил опубликованные статьи и речи Ленина, перепроверил свои собственные аргументы и сначала выступил, представляя взгляды Ленина, в узком кругу, а только затем на больших собраниях. И лишь теперь, когда он должен был формулировать эти мысли как свои и сообщать их людям, которые сомневались и за-

брасывали его вопросами, он начал понимать мысли Ленина до конца. При этом он сказал нечто такое, что я запомнил навсегда.

Когда ему на подобных встречах возражали, он слышал доводы, которые сам раньше считал правильными и защищал. Это позволяло ему лишний раз перепроверить свои собственные взгляды, и он обнаружил, сколько случайного и второстепенного, сколько из того, что, ему казалось, он уже преодолел, сидит еще в его сознании. Дело было не только, как это казалось в первый момент, в «капитуляции перед большинством», в пассивном «повиновении». Дело было в гораздо большем — в самовоспитании, в признании правды, так сказать, более крупной. А это признание не может быть пассивным. Оно приобретает активную защиту признанных мыслей, всесторонним обоснованием тех аргументов, которые лежат в их основе. Даже если вначале сам не признавал этих аргументов.

Должен признаться, что в первый момент я не совсем понимал, когда Шацкий говорил о необходимости публично отстаивать принятое решение партии, даже если сам еще не согласен с ним. Я видел в этом формальное принуждение, которое казалось несовместимым с моим либеральным понятием свободы. Только это дополнение и, кроме того, приобретенный позднее опыт, когда я сам поступал по этому принципу, позволили мне понять более глубокий смысл подобного рода дис-

циплины. Речь шла не о форме и не о формальном достижении политического единства партии, а о содержании решения, это значит — о самой сути, о правильном понимании этой сути и о последствиях, которые вытекают из этого. Конкретный пример Брестского мира облегчил это понимание. Теперь, год спустя, легче было признать, насколько правильным было это решение. Все выдвинутые Лениным доводы показывали, что он учел все реальные исторические процессы, действительное соотношение сил, они не были спекуляциями на основе предвзятого мнения.

Было чистой случайностью, что как раз во время этих бурных бесед о Брестском мире я получил для редактирования немецкий текст работы Ленина, которая вышла за год до этого — следовательно, после заключения мира. Называлась она «Очередные задачи Советской власти».

Я был благодарен этому случаю. Теперь у меня перед глазами был подлинный ленинский текст на немецком языке, да к тому же такой работы, предысторию которой я знал.

Первым делом я прочитал всю работу или, лучше сказать, проглотил, — так она поразила меня своей злободневностью и одновременно пронзительной убедительностью аргументации, которая бросилась мне в глаза еще в «Государстве и революции». Ее содержание как раз восполняло пробелы моих представлений о Великой социалистической революции, в гуще событий которой я неожиданно оказался. Но прежде чем передать

мысли Ленина, которые меня тогда захватили, я хотел бы задержаться еще на одном эпизоде.

Надеюсь, что мне хоть немного удалось передать ту своеобразную атмосферу, ту духовную откровенность, чтобы не сказать возбуждение, в котором мы находились в те месяцы. Когда я вспоминаю о том, где мы тогда жили, как были одеты и чем питались, и когда в моей памяти возникает внешний облик моих друзей и подруг из комсомола, то я изумляюсь, как это мы все преодолевали, как могли все успеть. Лучше всего, вероятно, в нашей стране это поймут те, кому сейчас за сорок и кто может вспомнить о первых послевоенных годах, когда им было столько же, сколько нам тогда. Я не могу, когда вспоминаю то время, сдержать снисходительную улыбку, как это бывает, когда вспоминаешь о значительном, но воспринятом в свое время весьма наивно, а потому полукомическом событии, которое, однако, было очень-очень хорошим.

Убогость нашего быта возмещалась насыщенной духовной жизнью. Я оставляю сейчас в стороне посещения музеев, которые тогда вновь только что открылись, концертов, которые снова давались в Большом зале консерватории, и театров. Все это расцветило нашу жизнь. Так, в своеобразном «парке культуры» — сквере, где играли на открытой сцене без кулис, я впервые слушал оперу Чайковского «Евгений Онегин», причем ветер часто относил звуки далеко от сце-

ны. Я видел символическую пьесу Метерлинка «Синяя птица», одноактную сатирическую оперу «Дочь мадам Анго» Лекока, в которой добродушно высмеивались времена правления до Наполеона. Я с удивлением рассматривал в национализированных особняках фабрикантов Морозова и Щукина собрания картин, в которых было много шедевров французского импрессионизма и постимпрессионизма.

Во время этих посещений я редко бывал один, потому что мои друзья тоже интересовались искусством и культурой. То, что мне довелось увидеть и услышать, было новым только по содержанию, в остальном это было продолжением той культурной жизни, которую я вел в Германии. Но подлинно духовная жизнь этих недель имела совсем другую окраску. Она напоминала мне обстановку моих молодых лет в Германии. Между нами, молодыми людьми, не прекращались споры. Мы делились впечатлениями от прочитанных книг и статей, доверяли друг другу свои мечты, расспрашивали, когда что-то было непонятно. И если в Германии часто бывало так, что кто-нибудь из друзей приглашал вместе сходить на концерт или выставку или среди ночи звонил телефон, потому что друг хотел непременно прочесть только что открытое стихотворение, то теперь это было чтение отрывка из актуальной работы или новой книги, о которых сообщали друг другу по телефону или при первой же встрече. А когда неожиданно тебя куда-нибудь вели с со-

бой, то главным образом на интересную конференцию, лекцию по международному положению или на митинг.

Так было и в тот день. Я поделился с Шацкиным в ЦК комсомола о моем воодушевлении работой Ленина. Он позвонил мне поздно вечером, чтобы сказать, что вспомнил о небольшой статье Ленина, которая была написана незадолго до этой более обширной работы. Он хочет завтра принести ее и перевести мне.

На следующий день я прочел работу Ленина во второй раз, теперь с точки зрения стилистики; мне ведь нужно было отредактировать немецкий перевод, и у меня уже было несколько вопросов, для ответа на которые мне требовался оригинал и пояснения Шацкого.

Газетная статья, которую мне принес Лазарь, называлась примерно так же, как и статья, что была у меня: «Главная задача наших дней». Она была значительно короче, чем «Очередные задачи Советской власти». Прежде всего было видно, что она была написана по свежим следам после заключения мира, под впечатлением тех откликов, которые нашло заключение мира не только в партии и стране, но также и в душе у самого Ленина. Это придавало мыслям своеобразный, непосредственный, почти личный характер. Это усиливалось еще тем, что в качестве эпиграфа ее предваряли три стихотворные строчки. Лирические стихи в начале такой сугубо политической статьи!

Чтобы освежить память, я отыскал текст этой статьи, написанной 11 марта 1918 года. Стихотворение принадлежит великому русскому поэту, революционному демократу Некрасову:

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная,
— Матушка-Русь!

Что за признание и что за предсказание в этих немногих словах, и это в такой исторический момент! Этот момент был, однако, разъяснен в первом же предложении, которое звучало словно гром литавров.

«История человечества прodelывает в наши дни один из самых великих, самых трудных поворотов, имеющих необъятное — без малейшего преувеличения можно сказать: всемирно-освободительное — значение. От войны к миру; от войны между хищниками, посылающими на бойню миллионы эксплуатируемых и трудящихся ради того, чтобы установить новый порядок раздела награбленной сильнейшими из разбойников добычи, к войне угнетенных против угнетателей, за освобождение от ига капитала...»¹

И тут же напоминание о тяжелых политических схватках, которые Ленину совсем недавно пришлось выдержать:

«...Неудивительно, что на самых крутых пунктах столь крутого поворота, когда кругом с страшным шумом и треском надламывается и разваливается старое, а рядом в не-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 78.

описуемых муках рождастся новое, кое у кого кружится голова, кое-кем овладевает отчаяние, кое-кто ищет спасения от слишком горькой подчас действительности под сенью красивой, увлекательной фразы»¹.

Здесь этот «позорный мир» представал — и по праву — событием всемирно-исторического значения. Вся статья проникнута сознанием того, что социалистическая революция спасена. Кризис в ее судьбе миновал. То, что в ноябре 1917 года было еще провозвестием, теперь стало действительностью, бесповоротно и навсегда:

«России пришлось особенно отчетливо наблюдать, особенно остро и мучительно переживать наиболее крутые из крутых изломов истории, поворачивающей от империализма к коммунистической революции. Мы в несколько дней разрушили одну из самых старых, мощных, варварских и зверских монархий. Мы...»².

Прошу прощения, новая встреча с ленинским текстом того времени так живо вызвала все в памяти, что я с удовольствием процитировал бы всю статью. Это стоило бы сделать! Но все же хотелось бы посоветовать читателю взять том Ленина и прочитать в нем эти страницы. Как у Маркса и Энгельса, у Ленина все актуально, у него, пожалуй, даже более, потому что он ближе к нам по времени, и почти любую статью, работу, письмо

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 78.

² Там же.

да просто телеграмму в любое время можно прочитать с пользой и духовным наслаждением.

Какая реалистическая трезвость нужна в оценке вещей, какая честность по отношению к самому себе, если человек, только что настояв на заключении этого «позорного мира», выдержав такое сильное сопротивление своих оппонентов, прибегнув ко всем имевшимся аргументам и использованию своего личного авторитета, сразу же после этого может писать:

«Мы принуждены были подписать «Тильзитский» мир. Не надо самообманов. Надо иметь мужество глядеть прямо в лицо неприкрашенной горькой правде. Надо измерить целиком, до дна, всю ту пропасть поражения, расчленения, порабощения, унижения, в которую нас теперь толкнули. Чем яснее мы поймем это, тем более твердой, закаленной, стальной делается наша воля к освобождению, наше стремление подняться снова от порабощения к самостоятельности, наша непреклонная решимость добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной»¹.

И с какой резкостью выступает он еще раз против высокопарных, но пустых фраз, болтовни разъяренных обывателей — против этих опаснейших врагов в рядах пролетари-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 79.

ата, которые могли бы выдать революцию германскому палачу своими фразами о «победе чести».

О Германии здесь говорится не один раз, но в ином смысле. Ленин напоминает о германской истории во время наполеоновских войн. Тогда Германии тоже пришлось заключить бесславный мир с могущественным императором Франции. Но:

«Тильзитский мир был величайшим унижением Германии и в то же время поворотом к величайшему национальному подъему... Тогда, сто с лишним лет тому назад, историю творили горстки дворян и кучки буржуазных интеллигентов при сонных и спящих массах рабочих и крестьян... Историю творят теперь самостоятельно миллионы и десятки миллионов людей. Капитализм дорос теперь до социализма»¹.

А затем мысль делает скачок вперед, в будущее, к очередным насущным задачам. В самом конце говорится о том, что отражено в названии «Главная задача наших дней». И снова речь шла о нас, немцах, и удивительным образом:

«Да, учись у немца! История идет зигзагами и кружными путями. Вышло так, что именно немец воплощает теперь, наряду с зверским империализмом, начало дисциплины, организации, стройного сотрудничества на основе новейшей машинной индустрии, строжайшего учета и контроля.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 81—82.

А это как раз то, чего нам недостает. Это как раз то, чему нам надо учиться...»¹.

«Учет и контроль»! Да, здесь для меня было связующее звено, соединявшее Брестский мир с большой работой «Очередные задачи Советской власти», которая точно так же меня поразила, так как «учет и контроль» были стержневыми словами, проходившими через эту новую статью, как «диктатура пролетариата» через книгу «Государство и революция», которая годом раньше ввела меня в мир ленинских идей.

Сознание великого поворота, исторического момента выражено и в этой работе, написанной через две или три недели после небольшой статьи. Ленин сознавал, что только благодаря его настойчивости в проведении реалистической революционной политики удалось вывести Советскую страну, находившуюся в чрезвычайно сложном международном и внутреннем положении, из войны, спасти революцию от разгрома и обеспечить необходимую мирную передышку, которая дала возможность для социалистического восстановления и перестройки страны и облегчила подготовку к неизбежным новым столкновениям. Но это чувство победы отступает теперь на задний план, и точно так же решительно, с той же реалистической трезвостью речь ведется о тяжелом, сложном, новом, как незадолго до этого о проблеме войны и мира. Что может, что должно свершиться в ближайшем будущем? И что надо

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 82.

сделать, чтобы не только преодолеть трудности внутри страны, но и направить развитие так, чтобы оно привело к социализму?

Все, о чем здесь говорит Ленин, было новым. Речь идет о первых практических шагах социалистического правительства при переходе от капитализма к социализму, об экономическом содержании диктатуры пролетариата. На заседаниях нашей комиссии и из выступлений Смородина, Рывкина и Шацкина я узнал, какие задачи ставит Коммунистический Союз Молодежи для воспитания рабочей и крестьянской молодежи в этот переходный период. Теперь я осознал, откуда вытекали подобные задачи.

Как уже сказано, слова «учет и контроль» повторялись в этой работе почти с навязчивой настойчивостью. Мы думали: «Революция», мы мечтали о революции, и нам казалось, что мы делаем революцию, а потом явился Ленин и заговорил об «учете и контроле», да еще он написал: «Управление» — и сделал его совершенствование главной задачей, которую объявил тяжелейшей, но также и благодарнейшей задачей социалистического преобразования! И он тут же разъяснил, почему здесь лежит ключ к социализму. Совершенствование управления, основу которого представляют учет и контроль в промышленности, было предпосылкой для организации глубочайшей экономической основы жизни миллионов людей по-новому. А благодарная эта задача потому, что, лишь решив ее, Республика Советов, рожденная по-

литической революцией, могла стать настоящей социалистической республикой.

В нашей агитации и пропаганде периода войны и Ноябрьской революции в Германии мы весьма абстрактно задумывались над такими вопросами. Написанное здесь Лениным было не просто ново: это была новая концепция социализма и коммунизма. Но новой она была, конечно, лишь для меня, потому что я прямо из войны пришел в революционное движение. Тогда я еще не знал, что есть значительные труды Ленина о развитии капитализма, о его распространении в России, о проблемах производительности труда в промышленности и сельском хозяйстве, о последней стадии развития империалистических государств и экономических основах, об их конфликтах и противоречиях.

Эта статья Ленина и комментарии к ней, которые я получил от моих друзей, позволили мне в последующие годы разобраться в экономической теории марксизма. Между прочим, я заметил, что это необходимо не только для того, чтобы правильно понять проблемы социалистического строительства прежде всего с их экономической стороны. Это точно так же необходимо для стратегии и тактики нашей политики социализма в Германии, для понимания скрытых причин внутренней и внешней политики германского империализма, которые в конечном счете привели к гитлеровскому режиму.

Благодаря этой работе Ленина я научился понимать, что дело сейчас не просто в вос-

становлении производства, но в увеличении производительности труда, чтобы доказать, что система социализма, устранив любую эксплуатацию человека человеком, способна достичь большего, чем капитализм. Но слова, которыми назывались вытекающие отсюда конкретные задачи, были необычны. Так, речь шла о творческом труде, заключавшемся в создании чрезвычайно сложной, но очень четкой системы новых организационных отношений, которые могут обеспечить планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования миллионов и миллионов людей. Это означает революцию, требующую самостоятельного исторического творчества от большинства населения, прежде всего большинства трудящихся. Но все это означает также психологическое преобразование всего рабочего класса. И как просто это было выражено:

«Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде,— именно такие лозунги, справедливо осмеивавшиеся революционными пролетариями тогда, когда буржуазия прикрывала подобными речами свое господство, как класса эксплуататоров, становятся теперь, после свержения буржуазии, очередными и главными лозунгами момента»¹.

Сегодня для всех нас это привычные мысли, и эти лозунги стали не только принципом

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 174.

нашего трудового поведения, но и составной частью социалистической морали. Но насколько новым это было тогда! При этом Ленин заранее видел сопротивление, которое будет оказано проведению «учета и контроля», меры, которую он назвал центром тяжести в борьбе против буржуазии. Он предостерегал, что еще сильная мелкая буржуазия и кулаки будут всячески препятствовать контролю и обманом, нелегальной торговлей будут отвоевывать экономические позиции. Ленин видел также основные слабые места в собственных рядах: недостаток специалистов, действующих с позиций социализма и хотя бы элементарно разбирающихся в экономике. И со всей трезвостью, даже обнаженностью, он говорил, что в этих условиях необходимо высокими окладами и привилегиями «покупать» буржуазных специалистов, так, как об этом как-то говорил Маркс.

Но особо в этой работе меня волновало то, как здесь рассматривался вопрос воспитания человека в социалистической революции. Необходимо было создать организации, способные разбудить массы трудящихся и поднять их на творческий труд. При этом повышение уровня образования и культуры народа объявлялось условием повышения производительности труда. Это стремление к свету и многообразная инициатива, ставшие заметными в «простом» народе, отмечал Ленин даже до поднятия дисциплины трудящихся, их производственного мастерства и лучшей организации труда. И вновь и вновь говори-

лось о том, что речь идет о действительно новом, о поворотном моменте: «Бывают исторические моменты, когда для успеха революции всего важнее накопить побольше обломков, т. е. взорвать побольше старых учреждений; бывают моменты, когда взорвано достаточно, и на очередь становится «прозаическая» (для мелкобуржуазного революционера «скучная») работа расчистки почвы от обломков; бывают моменты, когда заботливый уход за зародышами нового, растущими из-под обломков на плохо еще очищенной от щебня почве, всего важнее»¹.

Это все написано почти пятьдесят лет тому назад². Насколько ясной и конкретной представлялась новая ситуация и новые задачи этому человеку, чьи думы и помыслы всего неполных два года тому назад были направлены на совсем иную цель, на завоевание масс для революционного штурма старого строя. Позднее, когда моя политическая деятельность снова осуществлялась преимущественно в капиталистических странах, где эта названная последней цель все еще стояла на переднем плане, я воспринимал как великое счастье, что познакомился с этими мыслями так рано и в такой обстановке, где уже было видно их практическое значение. И в этом смысле у меня было преимущество перед многими товарищами на Западе.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 205.

² Напомним, что книга А. Куреллы вышла в 1967 году.— *Прим. перев.*

Они, хотя и были знакомы с этой работой Ленина, воспринимали ее как документ другого, нового мира, теоретически бывшего их миром, но от которого на практике их отделяла целая эпоха. Однако именно это особое восприятие ленинских идей в их непосредственном отношении к действительности, из которой они возникли, обострило мой взгляд также и на процессы, происходящие в капиталистических странах. И в более поздние годы это давало мне возможность своевременно и обоснованно находить ленинскую позицию во многих важных вопросах.

Сразу же после только что приведенного места ленинской работы шла речь об очередных задачах Советской власти, предложения, уже в ту пору ставшие крылатыми в коммунистическом движении:

«Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще. Надо уметь найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену...»¹

Это воистину золотое правило ленинской стратегии и тактики. Революционер проверяется фактически по тому, насколько он умеет увидеть именно ту важнейшую задачу, за которую необходимо браться и решать немедленно, чтобы идти вперед, к социализму, не на словах, а на деле.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 205.

Когда я наконец приступил к редактированию немецкого текста этой работы, я прочитал ее в третий раз, теперь вчитываясь в каждое слово. И тут я увидел еще и другое. Она была проникнута не только ответственностью за социалистическую революцию в России, за многомиллионное население бывшей царской империи. Ощущалось в ней, как уже в доводах за Брестский мир, чувство ответственности и за мировой пролетариат и его борьбу. В таком трезвом раскрытии сути социализма через постановку ближайших конкретных задач было нечто воодушевляющее и зажигательное. В том, что мы знали от Маркса и Энгельса, главное место занимал анализ капиталистической системы и его воздействие на рабочий класс и политику государства. Проблемы социализма ставились в самой общей форме.

Анализ обстоятельств, в которых начинается строительство социализма, ориентировал наше сознание на будущее, на нечто совершенно новое. Здесь же мысли Маркса и Энгельса последовательно развивались для нашего времени, для грядущего. То, что делали мы в капиталистических странах, теперь уже не являлось задачей только авангарда. Теория социализма далеко шагнула вперед. Русская революция мыслями Ленина и делами ее участников указала конкретный путь в будущее. Наша борьба против капитализма стала «средним этапом» большого движения, которое своими прогрессивными достижениями определило стратегию и так-

тику также и нашей борьбы. Как если бы марксизм приобрел новое измерение.

Эта работа Ленина имела тогда еще одно следствие. «Левые коммунисты» — в основном все те же, кто выступал против Брестского мира, — были возмущены взглядами, изложенными Лениным. Прежде всего они были не согласны с введением трудовой дисциплины, с требованием строгого порядка на предприятиях, с признанием руководства «отдельных личностей», что Ленин подчеркнул особо. Они выступали также против экономического учета и с негодованием отвергали привлечение буржуазных специалистов с помощью высоких окладов. Ленин ответил новой статьей, содержание которой Шацкий мне кратко пересказал. Она называлась «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности». Что мне особенно врезалось в память — это основательность, с какой Ленин мотивировал свои предложения.

Здесь впервые шла речь обо всех имевшихся в то время в Советской стране общественных и экономических укладах. О том, что основная социалистическая форма собственности: заводы и фабрики, банки и транспорт, земля — в настоящее время лишь остров в экономике и самом обществе, в котором патриархальное крестьянство, мелкое производство товаров, еще имеющиеся частные хозяйства и капиталистические предприятия, хозяйства кулаков занимают значительную часть. В этих условиях Ленин предложил использовать различные формы «государствен-

ного капитализма» и заключить соглашение с теми капиталистами, которые готовы сотрудничать под социалистическим контролем. Ленин говорил в этой связи о «диктатуре пролетариата в области экономики».

Эта мысль повторилась позже, в 1921 году, с необходимыми в новых условиях уточнениями при обосновании «новой экономической политики». Тогда меня привлекло научное, исторически и экономически точное обоснование, лежавшее в основе ленинских предложений.

В эти недели я получил еще один урок. На этот раз от самой жизни. Но осознал я его лишь благодаря небольшой работе Ленина, появившейся именно в это время. Это была брошюра «Великий почин».

В первое время, когда мои знания языка были недостаточны, я всякий раз, приходя в ЦК комсомола, просил информировать меня о важнейших сообщениях в газетах. Из Германии хороших вестей не поступало. В Баварии Республика Советов была свергнута. Рейхсвер и союзы добровольцев учинили настоящую кровавую бойню. Среди коммунистов, об аресте и казни которых сообщалось, были некоторые из моих мюнхенских друзей. О судьбе других я ничего не знал. Наша партия была загнана в подполье, ее газеты запрещены. Реакция объединилась, а правая социал-демократия пособничала ей. Меня постоянно мучила совесть из-за того, что меня там нет. Лишь огромное значение нового поручения, ради которого я здесь остался, и то,

что это было поручением Ленина, успокаивало мою партийную совесть.

Известия из различных районов Советской страны тоже не радовали. Экономический кризис, вызванный нехваткой топлива и сырья, срывами в работе транспорта, возрастал. В центре внимания правительства находилась гражданская война. На востоке, правда, были разбиты войска адмирала Колчака и освобожден почти весь Урал. Но на юге появился новый опасный противник. Войска бывшего царского генерала Деникина, хорошо оснащенные из-за границы оружием и боеприпасами, между прочим также и танками, и продовольствием, широким фронтом устремились с Южной Украины и Северного Кавказа на север. Два передовых отряда приближались к Курску и Воронежу. Москва теперь находилась под угрозой с юга. Впервые ставился вопрос об эвакуации столицы и переезде правительства на Урал.

Мобилизующее обращение Центрального Комитета было направлено во все партийные организации. В нем говорилось, что наступил один из самых критических моментов социалистической революции. Все силы, все старания страны были направлены на борьбу с Деникиным. Число немобилизованных рабочих необходимо было ограничить. В заключительной части обращения говорилось о том, что для окончательной победы над врагом должны быть введены коммунистические субботники.

Воззвание ЦК появилось в начале июля. К этому моменту работа нашей комиссии по подготовке международного конгресса молодежи была близка к завершению. Между тем я настолько овладел русским языком, что сам мог читать текущие газетные сообщения. И разговаривать стал тоже довольно неплохо. Таким образом, мне уже не нужно было так часто обращаться к моим друзьям за помощью. К тому же им было не до меня. На них, кроме всего прочего, лежала ответственность за политическую подготовку молодых рабочих и крестьян, призванных на службу в Красную Армию.

Но на этот раз я обратился к Шацкину за разъяснениями. Он был удивлен, что я не знаю, что такое субботники. Об этом ведь не один раз писали газеты. И к тому же совсем недавно Ленин опубликовал статью об этом. Нет, это я просто упустил, а значит, мне нужно помочь.

Работа Ленина «Великий почин» давно уже получила мировую известность, потому что ее значение выходит далеко за рамки коммунистического и рабочего движения. Поводом для этой работы явилось событие на станции Москва-Сортировочная. То, что Ленин увидел тогда в этом на первый взгляд стихийном событии и отметил как веху новой эпохи, давно уже стало в странах социализма «хлебом насущным» и, отвечая требованиям времени, утвердилось как норма нашей жизни.

Об этом событии было напечатано в

«Правде» от 23 мая. Когда Шацкий показал мне текст сообщения в статье Ленина, я вспомнил, что читал ее. Но я не увидел ничего особенного в этом событии. В сообщении говорилось:

«17 мая на Александровской железной дороге состоялся первый коммунистический «субботник». 98 человек коммунистов и сочувствующих проработали, согласно постановлению общего собрания, 5 часов сверхурочно, бесплатно, лишь получив право вторично пообедать за деньги, причем к обеду за деньги же, как рабочим физического труда, было выдано по полфунта хлеба»¹.

Об этом, как я теперь узнал, уже имелся целый ряд заметок в печати. Почин нашел последователей. То, что мне представлялось как исключительно достойный поступок — неоплаченный сверхурочный труд на благо всего общества, — явилось началом движения. И вот Ленин специально написал об этом статью в тридцать страниц, и это всего за неделю до тревожного воззвания: «Все на борьбу с Деникиным!»

Должен признаться, что тогда, а также и после того, как Шацкий перевел и пояснил важнейшие ее положения, я так и не понял, что же произошло. Впрочем, в этом я был не одинок. Прямо в начале своей статьи Ленин журил печать за то, что она не поняла значения события и не уделила ему достойного внимания. Ленин начал очень издавека, ве-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 9.

дя из прошлого в будущее, чтобы объяснить значение этого субботника для социализма, и я не мог следовать за ним так быстро. Но то, что тогда я усвоил, оказалось своеобразным «запалом замедленного действия», который проявляет себя длительное время спустя, а потом я конечно же понял, что здесь и в самом деле надо было сделать открытие. Это было именно то, что Ленин имел в виду, когда за год до этого писал в «Очередных задачах Советской власти» в уже приведенном отрывке: «...бывают моменты, когда заботливый уход за зародышами нового, растущими из-под обломков на плохо еще очищенной от щебня почве, всего важнее»¹.

Я по достоинству оценил ленинскую мысль и вскоре после возвращения в Германию рассказывал и писал об этих субботниках. Но все их значение стало ясно лишь позже. Это произошло, когда снова, изучая различные труды Маркса и Энгельса, я углубил представление об исторических преобразованиях общественных форм и труда и понял, что Маркс в своих ранних работах называл «отчуждением труда». Капиталистический фабричный труд из первоначального производительного занятия человека становится наемным трудом, определяемым чужими факторами и чужими людьми, новым трудом, за который рабочий получает столько, сколько ему необходимо для жизни. Тем самым труд становится насилием, которому неохот-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 205.

но подвергаются, потому что иначе нельзя существовать. Это преобразование труда промышленным производством имело разрушительные последствия для всего общества и для культуры.

Своим научным анализом Маркс показал, что социализм способен вернуть труду его характер добровольного занятия и сделать его нравственным и эстетическим наслаждением. Маркс постоянно подчеркивал, что для этого необходимы определенные экономические и общественные предпосылки и прежде всего высокое развитие производительных сил, высокая степень механизации труда и повышение его производительности. А главное — отношение к труду каждого человека в отдельности.

И после победы социалистической революции оставались заводы, а с ними — промышленные рабочие, и Ленин нам говорит о том, что и социализм, а именно начальный период его строительства, требует строгой рабочей дисциплины. Так что же, дожидаться, пока появится новое отношение к труду у трудящихся, пока социализму удастся организовать высокопроизводительную мощную промышленность, которая создаст огромные ценности, в производстве которых каждый участвовал бы по собственному побуждению, но так же свободно мог бы распоряжаться любым из продуктов общественно-го труда по своим потребностям?

В событии на станции Сортировочная Александровской железной дороги Ленин

увидел свидетельство того, что у рабочих еще раньше может возникнуть то новое отношение к труду, когда он рассматривается уже не как принуждение, а как добровольное, исходящее из нравственных побуждений занятие, даже в таких тяжелых условиях, какие были в России в период гражданской войны.

Сейчас мы давно уже знаем по опыту нашей республики, каково значение этого открытия Ленина, но не менее важно и то, что сделано оно было так рано и в борьбе за социализм сразу смогло использовать эту силу добровольного труда, основанного на социалистической сознательности.

В подзаголовке этой статьи шла речь и о войне, и героизм субботников — «героизм рабочих в тылу» — приравнивался к героизму на фронте. А затем мысль уносится далеко вперед. Субботники названы прямо-таки событием гигантского значения, началом преобразований необычайно крупного масштаба. Ленин писал даже, что преобразование это сложнее, но также и более радикально и решительно, чем свержение буржуазии. И обосновывал: здесь достигается победа над собственной косностью и недисциплинированностью, над эгоизмом — этим наследием капитализма. Здесь возникает новая, социалистическая дисциплина, которая основана на убежденности и сознательности. Она делает невозможным возврат капитализма, а коммунизм делает действительно непобедимым. Какое предвидение и в какой момент!

Но как понятно оно нам сегодня, когда давно стало неотъемлемой частью нашей жизни то, в чем Ленин видел высший идеал, который тогда еще только пробивался, как слабый росток, буквально из-под обломков!

Шаг за шагом, обозревая прошлое и заглядывая в будущее, Ленин обосновывает свою мысль. Он вновь говорит о диктатуре пролетариата — этой форме власти, которую утверждает единственно последовательный, действительно революционный класс, чтобы повести всю массу трудящихся и угнетенных против капитала на построение социализма. Он напоминает об указанной Марксом и Энгельсом цели социализма: после отмены частной собственности на средства производства уничтожить различия между городом и деревней, между физическим и умственным трудом. Но он предупреждает, что это процесс длительный. Утвердиться эта новая форма труда, которая одна обеспечивает свободу человека, общими фразами о свободе, равенстве и демократии не может. А затем следует снова изложенный с реалистически трезвой оценкой действительности целый план того, как рабочий класс в качестве руководящей силы нового общества может утвердить свое новое отношение к труду и вызвать к жизни крупную социалистическую индустрию на основе новых общественных отношений, новой трудовой дисциплины и организации, которая соединяет достижения науки и техники с общественным трудом сознательных людей.

Уверенность в победе социализма основывалась у Ленина на научно-теоретических наблюдениях и раздумьях; действительность лишь время от времени предоставляла отдельные факты, для правильной оценки которых необходим был кругозор гения, каким был Ленин.

Я говорил уже, что все значение ленинских мыслей я научился постигать позднее. А в то время, именно благодаря этим ленинским мыслям, я постиг более глубоко неизбежность победы нашего дела.

А это имело для меня огромное значение: я собирался покинуть Советскую республику. Я оставлял страну, в которой бушевала гражданская война.

Дух субботников слился с фронтовым героизмом для достижения победы!

Наша комиссия по разработке программы и устава Интернационала молодежи, который намечено было образовать, между тем решала свои задачи. Мы представили наши проекты Исполкому Коммунистического Интернационала, и я полагаю, что с ними ознакомился и Ленин. Документы были утверждены без поправок. Можно было назначить срок нашего отъезда.

В это время я получил еще один подарок в дорогу. Это опять же была работа Ленина, которая скоро должна была выйти, и мне предлагалось просмотреть ее немецкий перевод. Она называлась «Третий Интернационал и его место в истории» и в русской печати была опубликована в мае 1919 года. Это бы-

ло как бы последнее наставление Ленина, перед тем как нам отправиться в путь, чтобы осуществлять принципы Коммунистического Интернационала в международном движении молодежи. Работа указывала, среди прочего, на шесть причин, почему социалистическая революция совершилась в одной стране — такой, как Россия — и почему теперь эта страна стала во главе международного социалистического движения. Вскоре я убедился, как важно было точно обосновать руководящую роль Москвы на этом этапе развития социализма и коммунизма!

В то время секретариат ЦК комсомола решил послать делегатами на Международный конгресс рабочей молодежи, призванный образовать Коммунистический Интернационал Молодежи, Лазаря Шацкого и меня. Предложение Ленина, таким образом, было принято, оно воплотилось в решение. Я был принят в члены русского комсомола и в том же году, заочно, был избран в ЦК и его бюро. Было решено, что мы с Шацким поедем раздельно, чтобы хоть один делегат добрался к месту назначения, которым тогда считался Будапешт.

Условия поездки были немногим лучше, чем в марте — апреле этого года, и любая поездка была все еще сопряжена с большим риском. Для меня избрали путь через прибалтийские страны, чтобы ввести в курс дела немецких товарищей и членов прежнего руководства Интернационала Молодежи. Шацкому надо было пробраться в Венгрию

в южном направлении через Украину и Румынию. Это было значительно сложнее. Украина была под гнетом реакционного временного правительства, там господствовала контрреволюция, а в Румынии — монархия. Сначала Шацкину надо было проникнуть на оккупированную Украину, там он мог выдать себя за молодого украинца, в поисках работы отправившегося на юг.

24 июля он еще раз был принят Лениным, чтобы представить ему подготовленные нами документы. С проектом Ленин уже был знаком и его одобрил. Он вновь разъяснил Шацкину политический смысл нашей задачи и дал на прощание несколько советов, предполагая, что мы, по всей вероятности, столкнемся с большими трудностями. На поездку мы получили значительные денежные средства — на всякий случай. Шацкин, кроме того, получил от Ленина бумагу ко всем органам власти и пограничным постам с указанием помогать ему и не осматривать ни его, ни его багаж. Мне такое предложение было ни к чему, так как моя поездка по всему пути была нелегальной.

Отъезд был назначен на начало августа. Накануне на квартире Шацкина состоялись небольшие проводы. Присутствовал почти весь секретариат союза. Мы собрались в центре города в скудно обставленной комнате прежней буржуазной квартиры, которая была передана нуждающимся в жилье. Праздничное угощение состояло из уже известного крошившегося хлеба из отрубей, к которому

подавался ломтик не очень свежего сала. Пили чай. Но чай этот был просто кипяченой водой, которую мы подогревали в старом чайнике на железной «буржуйке». Имелся лишь один деликатес: Шацкин раздобыл на черном рынке, который в ту пору еще терпели — в больших торговых рядах на Красной площади, где нынешний ГУМ, — фунт халвы. Все это не назовешь роскошью, но наша уверенность в будущем сделала маленькое торжество незабываемым.

Прощание с московскими друзьями далось мне, честно признаться, очень тяжело. Я ведь не знал, когда и где увижу их снова. Не знал перед началом нашего трудного путешествия, встречу ли когда-нибудь Лазаря Шацкого.

Но потом это прощальное настроение забилось из-за сборов в дорогу, которые были не просты, так как мне приходилось трижды «маскироваться», чтобы преодолеть в пути различные препятствия. Наконец час настал. В поношенной форме немецкого военнопленного покидал я Москву с заданиями Ленина.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ИТОГ

И в путешествии из Москвы нашлось бы достаточно материала для большой главы. В нем по-своему было не меньше приключений, чем в путешествии четыре с половиной месяца тому назад, и хватало всего — и опасности, и забавного, серьезного и смешного,

обдуманых поступков и неожиданностей. Но было и два существенных отличия: объективно говоря, второе путешествие было с помощью нескольких московских специалистов по конспиративной работе и с учетом всех случайностей столь же тщательно подготовлено, насколько первое было задумано дилетантски; субъективно же первое путешествие я действительно воспринял в основном как приключение, в то время как обратное носило характер ответственного политического задания.

Впрочем, не все можно было предусмотреть точно, и мне снова приходилось прибегать к находчивости, чтобы выбраться из щекотливых положений. Труднее всего пришлось на юге Латвии, где после многодневного пешего перехода нашей колонны я узнал, что с недавнего времени все возвращающиеся военнопленные из России на месяц помещаются в «карантинный лагерь». Легко было сообразить, что он предназначался для политического «просвечивания» пленных. Немецкие власти подозревали, что с военнопленными из Москвы в Германию проникают и большевистские агитаторы. Мне совсем ни к чему был этот лагерь, даже если это обошлось бы лишь несколькими днями задержки. Но как обойти карантин? Избежать его удалось благодаря находчивости.

В Ковно нам была устроена встреча, и нас приветствовала международная комиссия во главе с американским полковником. Когда церемония закончилась, я, собрав все свои

познания в английском языке, попросил полковника о разговоре наедине. Он согласился. Мне удалось с помощью доказательств, показавшихся ему достаточными, убедить его в том, что я вовсе не немецкий военнопленный. Он вообразил, что я спешно покинул большевистскую Россию, и поздравил меня с тем, что мне удалось получить документы немецкого военнопленного. В итоге полковник приказал выпустить меня из колонны и вручил мне прямой билет из Ковно до Берлина!

В общей сложности путешествие с учетом всех задержек и остановок продлилось полторы недели. Погода в эти первые августовские дни была прекрасная. Природа прибалтийских стран и маленькие города, через которые мы следовали, были для меня внове. То, что некоторые из жителей, с которыми нам доводилось общаться в деревнях, поздравляли нас с освобождением от большевиков, меня больше уже не задевало. О политических событиях до нас никаких сведений в пути не доходило. Заводить разговоры с другими военнопленными я старательно избегал, чтобы не выдавать свое слабое знание быта военнопленных и тем самым не вызвать подозрений. По той же причине я не мог искать контакты с единомышленниками. Я держался угрюмо и несколько высокомерно. Таким образом у меня было достаточно времени, чтобы предаваться собственным мыслям и разобраться в том, что я пережил, узнал и усвоил. Я мог подвести своего рода предварительный итог.

Мое пребывание в Москве, казалось, уже ушло в вечность. Я едва мог представить себе, что это я — политический дилетант, чуть ли не авантюрист, как это представлялось мне теперь, и делегат ЦК российского комсомола и доверенное лицо Ленина — один и тот же человек, новоиспеченный молодой коммунист, который без долгих раздумий отправился курьером в Москву.

Какие же изменения произошли со мной и во мне?

Я даже сомневаюсь, писать ли о дальнейшем. Если бы я приписал развитие, которое прошел за неполных пять месяцев, герою моего романа, то читатель едва ли бы мне поверил. Но я ведь пишу не роман, а воспоминания и должен рассказать, что было на самом деле.

Собственно, все сказано словами: Ленин вошел в мою жизнь. Это звучит несколько патетически. Но речь здесь идет не об «озарении» и вере, а о разумном познании, о логически и диалектически обоснованных идеях и характерных, явных переменах. И перемены эти были результатом прямого контакта с новой действительностью и целостной системой взглядов, и на том и другом существенно сказывается влияние Ленина. Мне не нравится, когда сегодня ко мне кто-нибудь подходит и говорит: «Пикассо своим творчеством пробудил меня от догматического сна», но я готов принять у любого такое признание, если он может привести доводы, которые его убедили.

А в чем убедился я?

Первое — это писк сквозь реалистическое мировоззрение, которое я познал благодаря Ленину и научился ценить как единственно верное. С поразительной энергией после тех московских месяцев я боролся за то, чтобы преодолеть в себе всякое проявление пустословия, идеалистического приукрашивания действительности, искоренять то, что Ленин не уставал безжалостно бичевать как выражение мелкобуржуазного лжерадикализма. Во всяких новых обстоятельствах, перед всякой новой проблемой сначала спрашивать: каковы объективные факторы, каково соотношение сил, какие тенденции проявляются в действительности? Но вместе с тем какие объективные факторы и тенденции в реальности лежат в основе духовного развития или действий того или иного человека, той или иной группы людей? Это был первый и основной урок, который я получил из близкого общения с Лениным и его мыслями. Позднее, когда благодаря Ленину я обратил внимание на Гегеля и начал его изучать, я научился во всех случаях применять диалектический метод.

Таковы были мои первые достижения в мышлении и моем отношении к действительности, которые дало мне московское пребывание в школе Ленина. Они остались во мне на всю жизнь, требуя от меня постоянного продумывания и обдумывания всякого опыта. А подобные раздумья — одно из великопнейших наслаждений, какие только доступны человеку!

Второе — это познание того, что социализм и коммунизм надо понимать не столько как учение, не как «идеал» — разумеется, он и то и другое, — но как реальное движение пролетариата за свое освобождение. Лишь позже, опять-таки благодаря Ленину, который всегда приучал нас по возможности все, что написали Маркс и Энгельс, читать в первоисточнике, я постиг классическую формулу, в которой Маркс и Энгельс выразили эту проблему в раннем произведении «Немецкая идеология», когда они написали: «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения порождены имеющейся теперь налицо предпосылкой»¹.

Под «теперешним состоянием» и «имеющейся теперь налицо предпосылкой» подразумевается капитализм.

Кто это однажды понял, тот застрахован от любой глупой болтовни о социализме вообще как о далеком идеале, к которому мы сегодня приближаемся, преодолевая ошибки и заблуждения. Более того, он видит в социализме в каждый отдельный момент всю совокупность завоеваний, достигнутых под руководством партии социалистов рабочим классом и его союзниками, и совокупность

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 34.

очередных задач, вытекающих из уже достигнутого для полного освобождения человечества из пут капиталистического общества. С какой настойчивостью, почти заклиная, в борьбе за решение проблемы Брестского мира Ленин указывал на это. Речь шла о спасении людей — создателей социализма; без сохранения этой прогрессивной силы нет и не может быть никакого прогресса.

Третьим было учение о диктатуре пролетариата, как неизбежном следствии, если признать классовую борьбу движущей силой развития человечества в последнее тысячелетие и если усвоить, что она прекратится, лишь доведенная до конца. То, что, мне казалось, я уже понял при первой встрече с мыслями Ленина, при изучении «Государства и революции» еще в Германии, было существенно углублено в Москве работой над переводом статьи «Пролетарская революция и ренегат Каутский» и закреплено благодаря осмыслению первых опытов русской революции. И с тех пор я не могу думать ни над одной проблемой, и прежде всего над вопросами социалистической культуры, не представляя себе эту огромную массу пролетариев, состоящую из людей с разным уровнем политического развития, но спаянную совершенно определенными закономерностями. Нет и не может быть ни одного правильного решения, как в малых, так и в больших вопросах, вне пролетариата, без признания его существования, без него.

Ясно, что мои мысли о собственном развитии во время путешествия в Берлин имели не такую форму, как я только что изложил. Я интуитивно ощущал новое, воспринятое мною, не понимая до конца, как надо его применять. В то время я еще не дорос — и это мне стало ясно гораздо позже — до глубины ленинских идей и мыслей тех, к кому он нас отсылал.

Того, что я увидел и пережил, теперь, однако, было достаточно, чтобы сделать из молодого романтика серьезного человека. По существу, разумеется! Так быстро целиком и полностью человека не переделать. Мне надо было многое пережить, много работать над собой, чтобы эти знания стали неотъемлемыми от моего характера. Ибо это было четвертое, что увозил я с собой из Москвы. Характер мой изменился — я имею в виду отношение к действительности и прежде всего к окружающим людям.

До сих пор мне все давалось как-то легко. Всюду, где мне приходилось трудиться, я быстро оказывался в центре и становился руководителем. Так было в школе, в «Свободной немецкой молодежи» и даже на войне, где я пользовался, к немалому неудовольствию офицеров, большой популярностью у своих артиллеристов. Определенную роль при этом играло основательное, связанное с демократическими традициями, культурой и искусством образование, которое я получил в родительском доме. Быстрая способность воспринимать и столь же быстрая решительность

помогали мне ориентироваться и давали превосходство над многими товарищами. Все это продолжалось до тех пор, пока в конце войны я не примкнул к пролетарской молодежи, пока меня не «усыновил» комсомол и не сделал своим делегатом.

Эти качества оказывают как положительное, так и отрицательное влияние на молодого человека. Они помогают достичь многого, если используются на правое дело. Ленин обладал этими качествами и всем, что к ним относится, в высшей мере. Но как же часто, будучи человеком такого гениального дарования, он решительно отказывался использовать их для самого себя. Но это самое превосходство он немедленно использовал там, где речь шла о больших и великих делах. Именно таким мне суждено было видеть его впоследствии на X партийном съезде в марте 1921 года. И вместе с тем он всегда оставался скромнейшим человеком, который все, что он думал и делал, целиком и полностью подчинял делу, которому служил по глубочайшему убеждению.

Двух личных встреч мне было достаточно, чтобы понять, если так можно выразиться, эту сторону политического характера, которым отличался Ленин. Я попытался сделать выводы для себя самого. Найти этот путь помогли мне часто повторявшиеся в Москве ситуации, где я научился видеть свои слишком маленькие познания и рассматривать себя как ученика. Тогда я еще не знал в полном объеме учение Ленина о партии

нового типа, но я познакомился с этой партией на практике, в партийной ячейке, как тогда называли первичную партийную организацию, — минимальном коллективе коммунистов. Именно здесь я научился мыслить категориями менее образованных, но превосходящих меня большей близостью к действительности рабочих-коммунистов. Это была большая школа. И сегодня я сразу же вижу, прошел тот или иной член нашей партии эту школу или нет. Для меня всегда оставались чуждыми «коммунисты-единомышленники», которые когда-то по моральным или политическим мотивам вступили в партию, но не росли вместе с ней.

В итоге я научился служить великому делу Коммунистической партии, без которой оно никогда не сможет превратиться из идеи в действительность.

СОДЕРЖАНИЕ

1 МАЯ 1919 ГОДА	3
МОЛНИЯ	6
БОЛЬШОЕ СТРАНСТВИЕ	30
В ОСАДНОМ ПОЛОЖЕНИИ	73
ВЕЛИКИЙ УЧИТЕЛЬ	111
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ИТОГ	149

Альфред Курелла
НА ПУТИ К ЛЕНИНУ

Заведующий редакцией *Н. Р. Андрухов*
Редактор *А. В. Качурина*
Младший редактор *Н. И. Коршикова*
Художественный редактор *С. Д. Алексеев*
Технический редактор *Н. К. Капустина*

ИБ № 2104

Сдано в набор 15. 08. 78. Подписано в печать 26. 10. 78.
Формат 70×90¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Обыкновенная новая». Печать высокая. Услови. печ.
л. 5,85. Учетно-изд. л. 5,4. Тираж 100 тыс. экз. Заказ
№ 6680. Цена 25 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.
Типография изд. «Звезда», г. Пермь, ул. Дружбы, 34.

25 КОП.